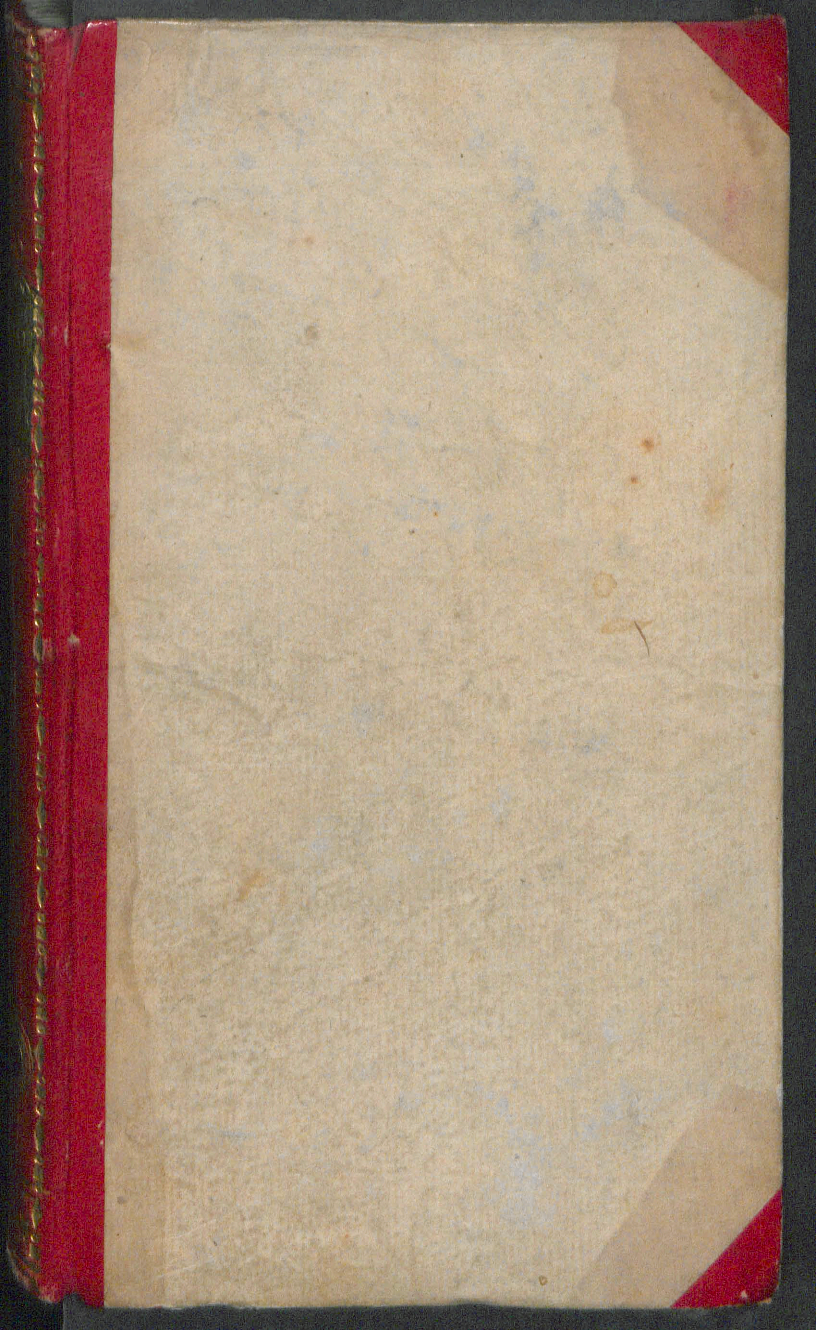

ЗОЛОТОЕ ЗЕРКАЛО,

ИЛИ

ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ,

ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ.

Переведена

съ

ФРАНЦУЗСКАГО.

— — Rex eris —

Si recte facies. т. е.

Царемъ будешъ поступая справедливо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1781 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ, Золотое Зеркало, или Цари Шешіанскіе, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ

СОВѢТНИКУ,

ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ОБЕРЪ КАММЕРГЕРУ,

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ

КАВАЛЕРУ,

Императорскаго Московскаго

Университета

КУРАТОРУ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

ШУВАЛОВУ.

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Слѣдуя похвальному обыкновенію древнихъ подносить первые опыты трудовъ своихъ благодѣтелямъ и покровителямъ своимъ, осмѣлился и я посвятить славному имени Вашего Высокопревосходительства сію съ Французскаго языка мною переведенную книжку, яко малый знакъ моего почитанія и усердія; ибо къ кому наипаче надлежитъ сердцамъ нашимъ пылать оными, какъ не къ распространителю и Меценату наукъ, подъ покро-

кропительствомъ коего и я удостоился воспользоваться свѣтомъ ученія. Великою было сіе для меня причиною, но большею суть особенныя Вашего Высокопревосходительства милости, щедрою рукою на меня излитыя. Онѣ исполняютъ духъ мой жарчайшимъ чувствованіемъ никогда неугасаемой благодарности. Удостойте, Милостивый Государь, сію малую, но нелестную жертву, приносимую высокой душѣ Вашей, благосклоннаго принятія,

ко-

которое будетъ для меня тѣмъ величайшимъ щастіемъ, и тѣмъ пріятнѣйшею наградою, чѣмъ несомнѣннѣе цѣлой свѣтъ увѣренъ о Вашихъ превосходныкъ добродѣтеляхъ, въ разсужденіи милостиваго воззрѣнія на всѣхъ трудящихся въ воздвигнутомъ Вашею рукою наукамъ храмѣ. Сіе самое и подаетъ мнѣ надежду, не быть отринутымъ отъ Вашего великодушнаго принятія какъ сего перевода, такъ и трудившагося въ ономъ, въ высокое Ваше по-

покрови-

кровительство, давно ужѐ мною испытанное, которое потщусь заслуживать точнымъ исполненіемъ моей должности, и прославленіемъ Вашихъ высокихъ къ учащимъ и учащимся милостей.

Милостивѣйшій Государь!

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Преданнѣйшій слуга
Ѳедоръ Сапожниковъ.

ПИСЬМО
КИТАЙСКАГО ПЕРЕВОДЧИКА
КЪ
ИМПЕРАТОРУ ТАИ-ТСУ.

Достославный сынъ неба!

Живое Вашего Величества желаніе видѣть свои народы благополучными, есть единая цѣль Вашихъ неутомимыхъ попеченій; первѣйшій предметъ Вашихъ вниманій, есть храненіе Вашихъ законовъ; сила Вашихъ повелѣній, душа всѣхъ похвальныхъ предпріятій Вами начинаемыхъ. . . . и Вами исполняемыхъ; и сіе-то самое отвращаетъ Васъ отъ всякаго зла, которое вы, по примѣру другихъ великихъ въ свѣтѣ особъ, могли бы дѣлать, но не дѣлаете.

Счастливѣе бы вы и сами были, наилучшій изъ Царей, когда бы равно удобно Вамъ было, содѣлать народъ свой благополучнымъ, какъ и желать ему счастія! когда бы Вамъ, яко Царю небесному, стоило только пожелать, чтобъ

исполнить, только сказать, чтобы узрѣть свои мысли исполненными.

Но сколь несчастливы может быть были бы Вы, когда бы знали, въ какомъ отдаленіи, при всѣхъ Вашихъ попеченіяхъ, исполненіе отъ Вашихъ желаній остается! неизчетное множество пособниковъ столь многоразличныхъ степеней, людей всякаго порядка и всякаго рода, съ которыми Вы принуждены раздѣлять свою власть, поелику человѣчество полагаетъ предѣлы и самымъ неограниченнымъ Монархамъ, и необходимость полагаться почти во всемъ на орудія Вашей благотворительной дѣйствительности, содѣлываетъ Васъ, (не устрашитесь сей непріятной, но полезной истинны) содѣлываетъ Васъ зависимѣйшимъ отъ подданныхъ Вашей обширной Имперіи. Весьма часто состоитъ во власти честолюбиваго, льстеца, мстительнаго, или ненасытнаго человѣка; — но что изчислять имена страстей и пороковъ когда я ихъ всѣ могу вмѣстить въ единомъ словѣ? . . . Часто зависитъ отъ единаго человѣка,

дѣ-

дѣлать Вашимъ священнымъ именемъ точно противное Вашей волѣ? Ежедневно, ежечасно, и осмѣлился бы почти сказать, ежеминутно въ Ваше царствованіе въ пространной обширности Вашихъ многочисленныхъ областей содѣлывается неправосудіе; законъ нарушается, одно велѣніе исполняется съ лишкомъ строго, а другое совсѣмъ уничтожается; невиннаго угнѣтаютъ, сироту разхищаютъ, незнающій производится, бездѣльника защищаютъ, добродѣтель гонима, а порокъ ободряемъ.

Какимъ бы окомъ негодованія посмотрѣли на меня Ваши придворные, когда бы услышали они мое съ такою отважностію разглагольствіе! возможно ли, чтобы при толико добромъ Государѣ, могъ порокъ возвышать главу свою такъ дерзновенно, и осмѣлился чинить столько зла безъ наказанія? Единый подлогъ такой возможности, кажется, оскорбляетъ Вашу славу, и служитъ поруганіемъ Вашему достославному царствованію. — Простите мнѣ сіе, Великій Государь;

дарь; порокъ поднимаетъ главу свою безъ наказанія, но неоткрыто и неторжественно, поелику лице, которое онъ показываетъ, есть не его собственное; онъ принимаетъ на себя видъ правосудія, милости, ревности къ вѣрѣ и добрымъ нравамъ, усердія къ Государю и государству, однимъ словомъ, видъ всякой добродѣтели, которыя онъ-то точно вѣчный непріятель и гонитель. Его искуство въ сей волшебной наукѣ неизчерпаемо; мудрость самаго проницательнѣйшаго Государя едва можетъ обезопасить его отъ обмановъ онаго. Вы, можетъ быть, думаете, что подписываете приговоръ на злодѣя, но подписали напротивъ того изпровержение добродѣтельнаго человѣка, котораго заслуги были единственнымъ его преступленіемъ. Вы чаете, что повысили честнаго мужа, но вы произвели гнуснаго лицемѣра. Однако это такія истинны, о коихъ Вы довольно убѣждены. Вы жалуетесь на свой злосчастный жребій. Кому вѣрить? добродѣтель и порокъ, истинна и обманъ имѣютъ

оди-

одинакое лице, говорят одинаким языком, носят одинакой цвет. Конечно, хитрый обманщик (наиопаснейшая из всех предоносных тварей) умеет обыкновенно лучше честнаго человека сохранить наружный вид здравых правил и безпорочных нравов. Он-то есть самый тот, который достиг искусства, заключать страсти свои в наисокровеннейшія недра своего жестокаго сердца; сей-то умеет льстить всех искуснее, и не опускает ни малейшаго прибытка, показывающагося ему с слабыя стороны своего предмета. Снисхожденіе его, его уничиженіе, добродетель его, вера его ему не стоит ничего; оне отзываются только по устах его, и состоят только в наружных движеніях и ухватках, внутренность его закрывающих; и он тем богатее за свое награждается притворство, что под сею личиною обманщика, может еще удовлетворять всем безчестным страстям, исполнять подлыя свои предпріятія и с медным челом требовать возмездія

за

за свои злодѣянія. Не должно ли удивляться, О сынъ неба, что есть довольно такихъ людей, кои презирая всѣ прочія естественныя дарованія, удаляются отъ законнаго и благороднаго пути, ведущаго къ знатности и къ счастію, и употребляютъ всю силу своего разума на приведеніе въ совершенство искуство обманывать?

Но какъ? Не ужè ли Государь, любящій истинну, и притомъ со всѣхъ сторонъ окруженный личинами и очарованіемъ, отчаяваться долженъ нѣкогда возмочь ихъ истинное лице отъ притворнаго отличить обмана? Избави Господи! кто любитъ чистосердечно истинну, (и что можетъ безъ нее быть любви достойно?) кто ее тогда любитъ, когда она не льститъ, тому потребны только ясныя очи, для различенія нѣжныхъ ея чертъ, кои искуство рѣдко выразить можетъ съ довольною точностію, чтобы не обмануться. А для полученія такихъ глазъ, безъ которыхъ наилучшее сердце тѣмъ извѣстнѣе и чаще предаетъ насъ въ руки коварнаго

обма-

обмана, нѣтъ надежнѣйшаго средства, какъ изслѣдовать исторію мудрости и дурачества, мнѣній и страстей, истинны и обмана, въ лѣтописяхъ человѣческаго рода. Въ сихъ вѣрныхъ зеркалахъ зримъ мы людей, нравы и времена обнаженныя отъ всего изкажающаго обыкновенно наше разсужденіе, когда мы сами запутаны въ сплетенныя межи настоящаго зрѣлища. А естьли простота или хитрость, страсти или предразсужденія споспѣшествовали насъ обманывать, то нѣтъ ничего удобнѣе, какъ уничтожить сіе опасное испареніе, сокрывающее истинный цвѣтъ предметовъ. Прямые источники повѣствованія о человѣческихъ глупостяхъ, суть писанія тѣхъ, кои были наиревностнѣйшіе сихъ дурачествъ защитники. Злоупотребленіе, которое они дѣлаютъ изъ знаменованія словъ, не обманываетъ наше разсужденіе. Пускай они разсказываютъ противныя между собою вещи съ важною холодностію, и пускай сами твердо увѣряются, или убѣжденными въ томъ кажутся;

ся;

ся; сїе не препятствуетъ намъ, смѣшнымъ находить то, что силится одурачить природной разумъ. Пускай ослѣпленный самъ собою сумазбродъ опровергаетъ природу нравоучительныхъ вещей; и называетъ похвальными, ироическими, божественными порочныя, неправедныя и безчеловѣчныя дѣйствїя и ухищренїя, и напротивъ того даетъ законнымъ и безвиннымъ наиненавистнѣйшее имя; свѣтъ по прошествїи нѣсколькихъ вѣковъ не будетъ имѣть никакого затрудненїя, проникнуть сквозь чаровательное ослѣпившее сего безумца облако. Онъ могъ назвать Конфуцїя обманщикомъ, а Лао-Кїунга мудрымъ; разсужденїе его не перемѣнило бы никакъ природу вещи и впечатлѣнїя, которыя она должна дѣлать на невысокомѣрную душу, свойство и дѣйствїя сихъ людей научили бы насъ, что мы должны о нихъ заключать.

На семъ основанїи, достопочтенные учители нашего государства выхваляютъ намъ исторїю древнихъ временъ, какъ наилучшее учили-

чилище нрапоученія и градомудрія (политики), какъ наипрозрачнѣйшій источникъ сея пысокія Философіи, содѣлыпающія споихъ послѣдопателей мудрыми и независящими. Она научаетъ насъ различать то, что кажется челопѣческими пещьми, отъ того, что онѣ пъ самомъ дѣлѣ суть; и ихъ мнимое достоинстпо отдѣлять отъ дѣйстпительнаго, срапнипать ихъ пользу съ общимъ благомъ, сношеніе ихъ съ особенною пользою страстей, она предлагаетъ намъ подлинное средстпо противу собстпеннаго нашего обмана и против заразы дурачестпа другихъ; Философія, пъ которой никто не можетъ быть сопсѣмъ безъ ущерба, пъ преимущестпенномъ разумѣ, есть наука царская.

Упѣрены будучи о сей истиннѣ, поспящаете пы, о лучшій изъ Государей, часть премени остающуюся отъ непосредстпеннаго упражненія Вашея оспященныя должности и сана на полезное и забапное дѣло, чтобъ познакомиться съ достопамятностями протекшихъ премен;

вы сыскиваете въ людяхъ причину перемѣнъ Государствъ, вы цѣните людей по ихъ дѣйствiямъ, дѣйствiя по мнѣнiямъ и страстямъ, и по сношенiи всѣхъ сихъ причинъ полагаете основанiе благополучiю и бѣдности рода человѣческаго.

Есть ли я не обманываюсь, то Исторiя Царей Шешiанскихъ, повергаемая мною къ стопамъ Вашего Величества, не совсѣмъ недостойна быть принята между важными забавами, которыми вашъ всегда трудолюбивый духъ, удручась обыкновенно важнѣйшими дѣлами, прохлаждается. Великiя и для всѣго человѣческаго рода полезныя истинны, достопамятныя приключенiя, вразумляющiе примѣры, и вѣрное изображенiе заблужденiй и изступленiй человѣческаго разума и сердца, кажется мнѣ, отличаютъ сiю Исторiю отъ многихъ другихъ сего рода, и дѣлаютъ достойною надписи, которую высокое Оберъ-Полицейское Китайское судебное мѣсто удостоило назвать зеркаломъ, въ коемъ естественныя слѣдствiя мудрости и глупости

сти въ толь вeликомъ свѣтѣ, съ толико ясными чертами и толико живыми представляются цвѣтами, что тому надлежало бы быть самымъ мудрымъ и добрымъ, или глупымъ и развращеннымъ въ высочайшемъ степени, кто бы не могъ содѣлаться ни разумнѣе ни лучше чрезъ употребленіе оныхъ.

Побужденъ желаніемъ означить минуту бытія, которую природа предначала для насъ на земли, или по крайней мѣрѣ знакомъ добрыя моея къ моимъ сочеловѣкамъ воли, принялъ я на себя трудъ, сей достопамятный остатокъ древнія Исторіи съ Индѣйскаго языка переложить на нашъ; и увѣренъ будучи о чистотѣ моихъ намѣреній, оставляю я книгу сію и самого себя неизбѣжимой судьбѣ, подающей умному больше утѣшенія, нежели боязни. Спокоенъ подъ покровительствомъ Государя любящаго истинну и почитающаго добродѣтель, благополученъ дружбою лучшихъ между всѣми моими современниками, и столько безпристрастенъ

сколько смертной быть можетъ; ко. . . . . (*).

ЦАРИ

(*) Здѣсь принужденъ я былъ оставить простое мѣсто, которое хотя въ моемъ Китайскомъ экземплярѣ случайнымъ только находилось образомъ, но коего я за недостаткомъ другаго экземпляра не могъ дополнить. По видимому то, состояло бы изъ хвастовства противу какого нибудь Зоиля; въ чемъ у Китайскихъ сочинителей столько же мало обыкновенно бываетъ недостатка, какъ и у нашихъ въ предисловіяхъ, и такъ читатель при семъ недостаткѣ ничего не теряетъ.

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ.

Введеніе.

Весь свѣтъ знаетъ славнаго Индѣйскаго Султана Шах-Ріара, которой, изъ особенной ревности къ Неграмъ своего двора, бралъ каждой вечеръ по женѣ, и каждое утро приказывалъ удавливать по одной, и любилъ столько разсказываніе сказокъ, что ему *въ Тысячѣ и Одной ночи* ни одинъ разъ не приходило на умъ прервать неизчерпаемую Шехерезаду какимъ нибудь восклицаніемъ, вопросомъ или ласканіемъ, не смотря на то, что она старалась подавать ему къ тому столько случаевъ.

Сія непреодолимая холодность не была добродѣтелію или порокомъ его внука Шах-Багама, снискавшаго, какъ всякому извѣстно, несравненно

болѣе себѣ славы въ Исторіи мудрыми и остроумными примѣчаніями, которыми онъ обыкновенно приправлялъ повѣсти своихъ Визирей, нежели его дѣдъ своимъ молчаніемъ и своимъ недѣйствіемъ. Шах-Ріаръ подалъ великую причину своимъ придворнымъ, принять великое мнѣніе о томъ, *что онъ могъ говорить, когда бы не молчалъ*; но внукъ его оставилъ такую славу, что не возможно и вѣчно невозможнымъ пребудетъ, сдѣлать примѣчанія, или разсужденія (какъ онъ ихъ называлъ) подобныя Шах-Багамовымъ.

Мы прилагали всевозможное стараніе открыть причину, для чего писатели, которымъ мы за жизнь и дѣйствія сихъ двухъ Султановъ обязаны благодарностію, нимало не упоминаютъ о сынѣ того, а объ отцѣ сего: но мы были не столько счастливы, чтобы сыскать тому другую причину, какъ что не было въ самомъ дѣлѣ о нихъ чего сказать.

Одинъ

Одинъ Историкъ, повѣствующій о немъ, изъясняется слѣдующимъ образомъ: „Султанъ Лоло, говоритъ онъ, жилъ шестьдесятъ лѣтъ. „Онъ ѣлъ въ день по четыре раза „съ удивительнымъ аппетитомъ; а „выключа сіе и любовь, которую „имѣлъ къ своимъ кошкамъ, не можно было никогда особливой склонности примѣтить въ немъ къ другой вещи. Дервиши и кошки суть „единыя въ свѣтѣ твари, которыя „имѣютъ причину хвалить его воспоминаніе. Онъ приказалъ въ своихъ областяхъ построить, но точно не извѣстно для чего, двѣ тысячи шесть сотъ тритцать шесть „новыхъ *Дервишскихъ домовъ*, изъ „коихъ каждой вмѣщалъ въ себѣ „шестьдесятъ человѣкъ: онъ положилъ основаніе, чтобы во всѣхъ „большихъ Индостанскаго государства городахъ, содержалось извѣстное число кошекъ. Должно признаться, что онъ столь великое „объ нихъ имѣлъ попеченіе, что ни

„ гдѣ во всей Асіи не видно было ни-
„ кого жирнѣе кромѣ Дервиша и кош-
„ ки (*). Впрочемъ онъ между бдѣ-
„ ніемъ и сномъ родивши сына, ко-
„ по-

(*) Нѣкоторый *Персицкій писатель* впалъ при воспоминаніи сихъ основаній Шаха-Лоло въ необыкновенное восторженіе. Могутъ ли пригрѣзиться, вскричалъ онъ въ самомъ снѣ, такія узаконенія! цѣль узаконенія, есть польза государства, но Султана Лоло учрежденія должны были дѣйствительно произвесть во всемъ противное дѣйствіе. Естьли бы онъ своихъ Дервищей и своихъ кошекъ оставилъ своей участи, то бы онъ стократную вмѣсто единой сдѣлалъ пользу; тѣ бы должны были работать, а сіи ловить мышей, чрезъ что и первые и послѣднія оказывали бы услуги. Какое намѣреніе ихъ откармливать? Что бы они въ праздности препровождали время! но однако что до кошекъ принадлежитъ, то пускай такъ останется, жиръ ихъ таки къ чему нибудь полезенъ. Но Дервищей тукъ! что можно дѣлать изъ ихъ Дервишьяго сала?
Шейк Зейф-аль Горамъ, исторія дурачества, ча. 364. стран. 538.

„ торый ему подъ именемъ Шах-Ба-
„ гама послѣдовалъ въ правленіи,
„ умеръ отъ неваренія желудка „.
Вотъ что говоритъ о Султанѣ Лоло одинъ Историкъ о немъ упоминающій; и по истиннѣ, мы опасаемся, чтобы все о немъ сказанное не было еще хуже, нежели ничего.

Сынъ его, Шах-Багамъ, имѣлъ щастіе до четырнатцатилѣтняго возраста быть воспитываемъ кормилицею, которыя мать самую сію почтенную должность отправляла при неподражаемой Шехерезадѣ. Всѣ обстоятельства должны были соединяться, на содѣланіе сего Государя неумѣреннымъ любителемъ сказокъ, какого еще не видано было. Сего не довольно, что ему внушенъ вкусъ къ онымъ съ самой его нѣжной юности, и достославныя сказки его бабушки были основаніемъ его воспитанія; но судьба опредѣлила еще ему такого дядьку, который забралъ себѣ въ голову, что вся премудрость

Египтянъ, Халдѣевъ и Грековъ заключалась въ сказкахъ.

Тогда господствовало похвальное въ Индіи обыкновеніе воображать себѣ, что сынъ Султана, Раи, Омры или другія какія достаточныя и знатныя особы не могъ быть никѣмъ, кромѣ Факира, воспитанъ. Вездѣ, гдѣ бы ни встрѣтился молодый знатнородный человѣкъ, непремѣнно безотступно и повсюду слѣдовалъ за нимъ Факиръ, примѣчающій всѣ его шаги, разговоры, взгляды, движенія и поступки, и тщательно долженствующій стараться недопускать молодаго своего знатнаго господчика сдѣлаться разумнымъ. Ибо повсемѣстно принято было сіе мнѣніе, что крѣпкому сложенію, порядочномуваренію желудка, и пріобрѣтенію способностей достигать до своего счастія, ничто такъ не вредно, какъ много думать и много знать; и подлинно Дервиши, Факиры, Сантоны, (*) Брамины, Бонзы и

(*) Предсказатели.

и Талопины имѣющіе въ тогдашнія времена нѣкоторыя въ народѣ преимущества, не забывали ничего, служащаго къ сохраненію народа, около Инда и Гангеса отъ толико опаснаго излишества. Одно изъ ихъ пра́вилъ, о которомъ не позволено было сомнѣваться, было: „Ни кто не долженъ желать быть умнѣе своея бабушки.„

Теперь понять можно, что при таковыхъ обстоятельствахъ Шах-Багамъ долженъ былъ почти таковъ быть, каковъ онъ былъ. До сего времени думали, что можно умѣрять и ограничивать высокопарность своего ума какими нибудь наблюденіями, извѣстными непорядочными разсужденіями, и явно дерзкими мнѣніями, довольно выразительнымъ видомъ сопровождаемыми, *я такъ думаю — я не говорю ничего, но я довольно знаю то, что я знаю — да что мнѣ объ этомъ и безпокоиться?* И другія такія же мудрыя выраженія, коими онъ также обиленъ

ленъ былъ, какъ Санхо-Панса присловицами. къ сему присоединить можно явное его сопротивленіе противъ того, что называлось *нрапоученіемъ* или *чушстпопаніемъ*. Но всякому должно отдавать свое: и то надобно знать, что Факиръ, дядька его не имѣлъ въ томъ ни малаго участія.

Шах-Долка, сынъ и наслѣдникъ сего достойнаго Султана, подобенъ былъ почти своему отцу во всѣхъ его способностяхъ и его склонностяхъ, выключая только то, что онъ былъ явный непріятель всего походившаго на сказку. Онъ тѣмъ менѣе ограничивалъ свою ненависть, что принужденъ былъ оную сколько возможно скрывать при жизни Султана своего родителя. Мы бы по примѣру многихъ знатныхъ писателей сему выродку удивились, естьли бы сіе не показалось намъ совсѣмъ естественнымъ. Съ младенчества своего Султанъ Долка принужденъ былъ слу-

слушать столько сказокъ въ покояхъ Султанши своея матери (гдѣ Шах-Багамъ препровождалъ цѣлые вечеры въ вырѣзываніи бумаги и въ слушаніи поучительныхъ Историй одушевляющей Софаи, политика Балы и чувствительнаго гуська въ розовой доминѣ), что ему слушать наконецъ наскучило и омерзѣло. Вотъ все таинство, и намъ кажется, что въ семъ не замыкается ничего такого, что бы подавало причину къ толикому удивленію.

Чаятельно сію смертельную ненависть къ повѣствованіямъ Визиря Мослема должно приписывать его чрезвычайному отвращенію къ любомудрію, и вообще ко всѣмъ книгамъ на пергаминѣ ли, или на пальмовыхъ листахъ написаннымъ. Отвращеніе сіе столь далеко простиралось, что едва только съ крайнимъ затрудненіемъ, удержать его было можно, чтобы онъ не ссылалъ въ ссылку изъ своего государства не только стихотворцевъ, каковъ Платонъ, но при томъ и всѣхъ знаю-

щихъ

щихъ читать и писать, не выключая самыхъ мятежниковъ и звѣздочетцевъ, коихъ онъ не жаловалъ по причинѣ аэрометрическихъ и астрономическихъ изобрѣтеній *Царя Струса.* Сказываютъ объ немъ, что когда Визирь Мослемъ разказывалъ въ его присутствіи Исторію войны между духомъ *зеленѣйшемъ трапы* и *Царемъ зеленыхъ земель*, то молодый шестнатцатилѣтній Государь, не могъ удержаться, чтобъ при словахъ, что *голопа въ перукѣ* одержала наисовершеннѣйшую побѣду надъ *Царемъ Струсомъ*, не возопить: „ никто меня не увѣритъ, чтобы когда нибудь голова носящая перукъ имѣла разумъ предводительствовать войскомъ! „ таковое примѣчаніе, которое (какъ можно думать) всѣми присутствующими принято было съ жадностію, и какъ преждевременное явленіе рѣдкаго разума въ толико еще нѣжномъ Государѣ съ должнымъ во всемъ дворѣ гремѣло удивленіемъ.

Шах-

Шах-Долка исполнилъ надежду принятую о немъ по толикихъ знакахъ его будущихъ свойствъ чрезвычайнымъ образомъ. Сама зависть призналась, что онъ своимъ предкамъ дѣлалъ честь. Онъ былъ великій человѣкъ своего времени, *пріучать синицъ*; и никто до настоящаго дня не видывалъ ему подобнаго въ искуствѣ *вырѣзывать мышей изъ яблошныхъ зернышковъ*. Неутомимымъ своимъ прилѣжаніемъ (*) такъ онъ успѣлъ въ семъ искуствѣ, что дѣлывалъ въ крайнемъ совершенствѣ всѣ роды мышей, какъ лѣсныхъ,

(*) Мы не можемъ не замѣтить здѣсь того, что склонность къ упражненію и тщательное прилѣжаніе суть между добродѣтелями Государя рѣдкія и драгоцѣнныя. Для сей единой причины Шах-Долка по моему мнѣнію заслуживаетъ мѣсто между наилучшими Государями, нѣкогда престолъ украшавшими. Сколько бы онъ выигралъ, естьлибы употребилъ сіе неутомимое прилѣжаніе на исполненіе *должностей Государя*? . . . . (*должностей Государя*? . . . И для кого?

ныхъ, полевыхъ и дворныхъ, крысъ, кротовъ, пауковъ, сурковъ и нетопырей, съ ихъ особенными свойствами. И естьли можно вѣрить славному Шек-Гамет-Бен-Фридюн-Абю-Гассану, то онъ наблюдалъ мѣры по уменьшенному Мастабу со всякою точностію, съ каковою Господинъ Добентонъ принялъ на себя похвальный трудъ помѣстить оныя въ своемъ описаніи естественнаго кабинета Короля Французскаго.

Сверьхъ сего Шах-Долка почитался за лучшаго въ свое время пирожника, ежели только ему придворные въ томъ не ласкали. Прославляютъ, какъ знакъ его особеннаго благоволенія то, что онъ ненарушимымъ сдѣлалъ для себя закономъ подчивать весь свой дворъ во всѣ великіе праздничные дни маленькими на сливкахъ стертыми слад-

---

го? Шах-Долка самъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что Государь имѣетъ должности.)

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

сладкими пирожками своего собственнаго изобрѣтенія и своихъ трудовъ. Никто не видывалъ никогда Султана больше обремененнаго дѣлами, какъ былъ бѣдный Долка во все теченіе своего царствованія; ибо когда восточные и западные Государи и Князья желали имѣть нѣкоторыхъ мышей сдѣланныхъ его руками въ своихъ кабинетахъ, или зяблицу его ученія въ своей передней, то Шах-Долка никогда никому не отказывалъ. И склонность его обязывать пріязненность другихъ частію изъ учтивости, частію для сей забавной вещи, называемой *ratio ſtatus* (*т. е. попеченіе о благосостояніи государстпа*) столько причиняли ему заботъ, что ему отъ утра до вечера (включая и препровожденные часы въ Диванѣ) по причинѣ безпрестанныхъ упражненій, едва отдохнуть удавалось.

Богъ вѣдаетъ, былъ ли какій другій народъ осчастливенъ тѣмъ, чтобы имѣть безпрерывно четырехъ таковыхъ Государей, какъ Шах-Рі-

арЪ, Шах-Лоло, Шах-БагамЪ, и Шах-Долка. Добрые Государи! златыя времена! кричали ихЪ Омры и Дервиши.

Однако сіи господа̀ не могли себя ласкать, чтобы дѣла текли всегда по ихЪ желанію. Шах-ЖебалЪ, племянникЪ мудраго Багамы (такЪ его называли сочинители похвальныхЪ рѣчей) послѣдовавшій своему дядѣ за недостаткомЪ наслѣдниковЪ вЪ правленіи, (Ибо̀ Шах-Долка вЪ упражненіяхЪ своихЪ не имѣлЪ ни мало времени и подумать обЪ ономЪ) сей Шах-ЖебалЪ прервалЪ толико изящное преемничество *коронопанныхЪ* добрыхЪ Государей, и царствовалЪ иногда хорошо, иногда дурно, такЪ что ни худые ни добрые не были имЪ довольны.

Мы не знаемЪ, что такое его свойство столько ли же рѣдко между Государями, какЪ непріятели славы его утверждаютЪ: но мы сЪ основательностію можемЪ сказать, что ни дворянство, ни ученые, ни духовенство,

ство, ни народъ не были имъ довольны, и что шляхетство, духовенство, ученые и чернь не совсѣмъ въ томъ ошибались.

Чтобъ сохранить равновѣсіе между сими различными состояніями, то онъ озлоблялъ попремѣнно то того, то другаго, и самъ *мудрый* Пилпай не могъ бы у него выбить изъ головы, что оскорбленія не можно вознаградить благотвореніями. Въ обоихъ случаяхъ онъ столь мало наблюдалъ мѣру, столь мало смотрѣлъ на обстоятельства, и ихъ слѣдствія, столь мало поступалъ по извѣстнымъ пра́виламъ и по основательному начертанію, что онъ по большей части всегда терялъ пользу, о которой онъ задумывалъ. Много было случаевъ, гдѣ онъ съ своими лучшими друзьями поступалъ весьма худо, единственно для того, чтобы осыпать благодѣяніями наизлобнѣйшихъ людей, что наконецъ сдѣлалось непремѣннымъ пра́виломъ, что полезнѣе быть его злодѣемъ, нежели его дру-

другомъ. Тѣ могли оскорблять его безъ всякаго наказанія, потому что онъ противъ ихъ былъ слабъ, и сильно ихъ боялся, а самъ не пропускалъ ни малѣйшаго проступка. Тѣ могли загладить слѣдствія достойныхъ наказанія дѣйствій, единымъ угожденіемъ лаская его страстямъ и своенравію: а симъ чрезъ двадцать лѣтъ оказываемые непрерываемые опыты вѣрности и преданности ни во что не послужили бы, естьли бы они въ первый день двадцать перваго года по несчастію навлекли на себя его немилость какимъ нибудь ничего незначущимъ проступкомъ.

Вообще, ему надлежало быть не весьма благосклоннымъ къ жрецамъ; по меньшей мѣрѣ не можно отрицать, что Дервиши, Факиры и Календери, которыхъ онъ обыкновенно называлъ шмелями своего государства, не были обыкновеннымъ предметомъ, его язвительнѣйшихъ ругательствъ. Онъ ихъ притѣснялъ и озлоблялъ при всякомъ случаѣ, но

при

при всемъ томъ почитая ихъ за опасныхъ и ядовитыхъ животныхъ, ихъ боялся; по причинѣ сей боязни, рѣдко осмѣливался имъ въ чемъ нибудь отказывать. Вся польза получаемая имъ отъ сего поступка состояла въ томъ, что они не имѣли ни малой обязанности къ нему за его благодѣянія, поелику они довольно знали, сколь мало добрая его воля въ томъ участвовала. Они отмщевали за безвредное къ нимъ оказываемое презрѣніе досадою, которую они умѣли причинять во многихъ знатныхъ случаяхъ чрезъ свои тайные умыслы и коварства. Ненависть его къ нимъ чрезъ то укрѣплялась и возрастала; но хитрецы сіи примѣтя, что онъ ихъ боится, сіе проницаніе такъ хорошо умѣли употреблять въ свою пользу, что самое чистѣйшее царское снисхожденіе и милости едва были бы для нихъ полезнѣе. Они остерегалисъ показывать и малѣйшую когда нибудь чувствительность къ тѣмъ вольностямъ, какими мно-

тіе пользовались съ ними при его державѣ. Пускай объ насъ говорятъ, что хотятъ, говорили они, *только бы мы могли дѣлать то, что хочемъ.*

Шах-Жебалъ имѣлъ менѣе страстей, нежели живости. Онъ былъ непріятель всего того, что требовало прилѣжнаго вниманія и напряженія духа. Все то, что его придворные называли въ немъ живостію разума, не всегда было остроумно. Извѣстно, что хотя въ Султанѣ сего и не видно было, однако онъ зналъ природныя въ другихъ цѣнить дарованія: хотя онъ смертельно ненавидѣлъ длинныя рѣчи своего Канцлера; однако имѣлъ минуты, въ которыя можно было ему предлагать въ шуткахъ нельстящія ему истинны. Онъ желалъ всегда быть окруженъ людьми веселаго духа. Острую шутку всегда онъ похвалялъ, а въ отвѣтствіе за то, находилъ онъ также исподоволь лучшую мысль, ничего кромѣ разума незаключающую. Разсуждать по извѣст-

вѣстнымъ *правиламъ*, или поступать по *плану* было на его глаза школьное вранье и недостатокъ природнаго разума. Онъ имѣлъ привычку начинать дѣла и вести оныя по своему произволенію, или оставлять ихъ случаю. Такъ-то всѣ высокіе его времени умы обыкновенно сочиняли свои книги.

Онъ имѣлъ въ своемъ диванѣ нѣсколько человѣкъ съ дарованіями. Онъ зналъ и почиталъ ихъ разумъ, проницательность и честность, но по несчастію не могъ терпѣть ихъ вида. Они имѣли глубокое знаніе въ правленіи и градомудріи, но мало имѣли *вкуса*; они не умѣли *шутить*; ихъ не можно было ни къ чему кромѣ важныхъ употребить дѣлъ, а Шах-Жебалъ не любилъ оныхъ. Для чего сіи добрые люди не имѣли дара придавать своей премудрости пріятной наружности? Тѣмъ хуже для нихъ и для государства. Правда что Шах-Жебалъ рѣдко предпринималъ что нибудь безъ ихъ совѣ-

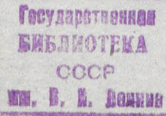
шовЪ; но, во все время своего правленія, слѣдовалЪ онымЪ только два раза, и то ужѐ не во время. Первѣйшее изЪ его хотѣній, которое его обольщало, было то, что желалЪ править самЪ собою. Цари допускающіе управлять собою Министра, евнуха, Дервиша или любовницу были всегдашнимЪ предметомЪ его ругательствЪ; хотя изЪ тайныхЪ записокЪ сего времени видно, что его первый ИманЪ и нѣкоторая черноглазая черкашенка, пребывающая сЪ нимЪ неразлучно, дѣлали изЪ него что хотѣли; и мы бы приняли сіе за клевету, естьли бы не видѣли, что правленіе его замѣчено такими дѣйствіями, коихЪ предначертаніе или отЪ бредней Имана, или отЪ прихотей черноглазой черкашенки только произойти могло.

Шах-ЖебалЪ хотя не былЪ кЪ войнѣ склонный Государь, однако любилЪ видѣть свою гвардію вЪ чистотѣ и порядкѣ, слушать своихЪ ЭмировЪ разговоры о походахЪ и осадахЪ, и читать оды, вЪ которыхЪ

рыхъ стихотворцы возносили его превыше Кира и Александра, когда онъ по случаю взялъ крѣпость у ея Коменданта, или когда его войска выиграли сомнительную побѣду надъ непріятелями предводительствуемыми еще слабѣе и хуже ихъ самихъ. Одно изъ его великихъ правилъ было: что добрый Государь долженъ хранить миръ, доколѣ честь его царствованія не потребуетъ, принять оружіе. Но сіе мало бы полезно было его подданнымъ. Онъ бы былъ почти всегда въ безпрерывной войнѣ, поколику, естьли бы жители луны поссорились съ обитателями полярной звѣзды, тобы Шах-Жебалъ съ помощію своего *Итимадюлета* (*) имѣлъ случай думать, что страждетъ честь его государства.

Никогда никакій Государь не оказывалъ столько щедрости, какъ Шах-Жебалъ; но какъ онъ нико-

(*) Общее имя первыхъ Министровъ Индостанскихъ Царей тѣхъ временъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь.

гда не старался разсматривать, и ни минуты не хотѣлъ употребить на разобраніе, кто бы больше могъ имѣть права на его благотворенія, то онѣ изливались всегда на тѣхъ, которые были ближе къ нему, и потому онѣ всегда были худо употребляемы.

Вообще онъ любилъ пышность: дворъ его безъ прекословія былъ навеликолѣпнѣйшій въ Асіи. Онъ имѣлъ лучшихъ танцовщицъ, лучшихъ пересмѣшниковъ, лучшихъ охотничьихъ лошадей, лучшихъ поваровъ, остроумнѣйшихъ шутовъ, наипрекрасныхъ пажей и прелестныхъ невольницъ, прерослую гвардію и маленькихъ карлецовъ, какихъ никто и никогда изъ Султановъ не имѣлъ; его академіа наукъ была такое мѣсто, гдѣ говорили рѣчи на принятіе остроумнѣйшія, и въ которой сочиняли наиучтивѣйшія благодаренія. Сильнѣйшее изъ всѣхъ его препохвальнѣйшихъ свойствъ было любовь его къ свободнымъ наукамъ; но и сего отрицать не можно, что онъ къ сему вкусу

при-

прилѣпленъ былъ болѣе, нежели позволяло благосостояніе его государства. Увѣряютъ, что онъ раззорилъ одну изъ своихъ лучшихъ провинцій, чтобъ превратить извѣстную дичь, которая казалось боролась противъ всѣхъ силъ искуства, въ очаровательную страну, что ему стоило не меньше ста тысячь работниковъ, чтобъ только наполнить сады ея истуканами. Горы были уровняны, рѣки отведены и безчисленное множество народа отвлечено отъ полезнѣйшихъ работъ, для исполненія начертанія, обезображивающаго простоту и природу. Чужестранные, которыхъ привлекали сіи въ свѣтѣ чудеса, проѣзжали чрезъ запущенныя и опустошенныя провинціи; чрезъ города, коихъ стѣны грозили паденіемъ, по улицамъ, коихъ видѣли иссохшихъ, на подобіе остава траву подбирающихъ коней; домы представляли развалины прежде существовавшаго града, а жители уподоблялись пугалицамъ

во-

вогнѣздившимся въ разсѣлинахъ сихъ опустѣвшихъ стѣнъ. Но коль прiятнымъ объяты были сiи чужестранцы восхищенiемъ при воззрѣнiи на сiи произведѣнiя искуства, которыя Шах-жебалъ, въ удовлетворенiе своему тщеславiю и прекраснымъ глазамъ своея черкашенки создалъ, такъ сказать, изъ ничего. Всѣ области, ими проходимыя были опустошены; но здѣсь чаяли они быть пренесенными въ прiятномъ снѣ въ обволхвованные сады Перисы. Не можно было ничего хуже видѣть дорогъ, на которыхъ они часто жизнь свою принуждены были подвергать опасностямъ; но коль богато награждено было сiе ихъ безпокойство! стѣзи ведущiя къ его увеселительному замку были выстланы маленькими пестрыми камешками,

При всемъ томъ Шах-Жебалъ любилъ охотно говорить о домостроительствѣ; и лучшая между всѣми возможными учрежденiями государственныя казны была такая вещь,

о которой онъ чрезъ все свое царствованіе разсуждалъ, и которая ему дѣйствительно болѣе стоила, нежели бы когда онъ искалъ философскаго камня. Новое разсужденіе было самый кратчайшій путь къ снисканію его милости: ему въ немногія лѣты представлено ихъ столько, что онѣ кучами собранныя лежали въ его кабинетѣ, гдѣ онъ иногда провождалъ нѣсколько минутъ прочитывая у нихъ оглавленія и предувѣдомленія. Всякій годъ выходила новая система, или дѣлалась какая полезная перемѣна, то есть, такая, которая по крайней мѣрѣ для тѣхъ была полѣзна, которые оную выдумывали; и получаемые отъ оной плоды показывались очевидно. Никакій Монархъ въ свѣтѣ не имѣлъ больше доходовъ на бумагѣ, а меньше денегъ въ своихъ сундукахъ. Сіе подъ нѣкоторымъ условіемъ, можетъ назваться искусствомъ мудраго правленія: но въ Шах-Жебалѣ было порокомъ; поелику большая часть его

его подданныхъ была отъ того не лучше: однако онъ не могъ дѣлаться умнѣе чрезъ свои ошибки. Онъ всегда обманывался въ причинахъ. Всякой пришедшей съ новымъ предложеніемъ увѣрялъ его, что онъ о семъ лучше своихъ предшественниковъ знаетъ; и такимъ образомъ зло всегда возрастало, а онъ никогда не могъ до того достигнуть, чтобы найти оному источникъ.

Естьли собрать всѣ сіи черты свойства и правленія Султана Шах-Жебала, то можно довольно подумать, что счастіе его подданныхъ, разсуждая вообще, долженствовало весьма быть посредственно. И сіе еще сказано съ великою скромностію. Но его подданные весьма довольны были состояніемъ, видя, что ихъ Султанъ при всемъ своемъ великолѣпіи несчастливѣе былъ самаго между ими недовольнѣйшаго.

Опытъ сей былъ для него такою задачею, которая погружала его часто въ глубокія размышленія, од-

нако онъ не могъ никогда рѣшить оную. Тамъ, гдѣ онъ искалъ для онья рѣшенія, вѣчно бы проискалъ тщетно. Поелику воображеніе искать онаго въ себѣ самомъ, было такое, которое ему никогда и въ мысль не приходило. Иногда думалъ онъ, что тому виною или его *Омрасы*, или его главный поваръ, или его любимица; по чему перемѣнилъ онъ *Омрасовъ*, принялъ другихъ поваровъ, и сыскалъ новыхъ любовницъ; но ничто не помагало. Онъ вспомнилъ, что нѣкогда онъ такую, или такую намѣревался учинить вещь, но которой онъ не производилъ въ дѣйство. Хорошо, говорилъ онъ самъ съ собою, надобно этому быть! онъ то предпринималъ, и веселился тѣмъ, пока не исполнялось, а наконецъ находилъ себя обманутымъ. Возбудить въ Султанѣ досаду, было сіе довольною причиною. Но еще сверьхъ сего имѣлъ другія, которыя бы человѣка и разумнѣе его могли привести въ замѣшательство. Проныр-

ства чинимыя ему его жрецами, ухищренія сераля, несогласія Министровъ, ревнивость Султаншъ, непрерывное несчастіе оружій, изтощеніе казны, и что еще всего сего хуже, неудовольствіе своего народа, грозящее иногда погибельнымъ возмущеніемъ, все соединялось для наполненія огорченіемъ состоянія, казавшагося достойнымъ заридованія взирающимъ на оное изъ дали. Шах-Жебалъ болѣе всѣхъ работниковъ своего государства мучился безсонницею. Всякія разбиванія мыслей и всякія веселости, коими старались предупредить сіе зло, были недѣйствительны. Его прекраснѣйшія невольницы, лучшіе его пѣвцы, чудодѣтельные его ужѐходцы, остроумы и самыя его обезьяны тщетно теряли на то свои труды. Наконецъ одна серальская госпожа, явная единомышленница великія Шехерезады предложила сказки тысячи и одной ночи. Но Шах-Жебалъ не имѣлъ склонности (поелику сія

сія дѣйствительно есть истинный даръ природы) полюбить *чудную лампаду портнаго Аладдина*, или найти забавными *бѣлыхъ, голубыхъ, желтыхъ и красныхъ рыбъ*, которыя допускаютъ себя не говоря ни слова жарить на сковородѣ до тѣхъ поръ, пока съ одной стороны не ужарятся; но какъ скоро ихъ переворотишь, то выходитъ изъ стѣны чрезвычайной красоты женщина, одѣтая въ штофный Эгипетскій атласъ, съ большими браліантовыми сергами, въ ожерельѣ изъ крупнаго жемчугу и рубиновъ, въ зарукавьяхъ шитыхъ золотомъ, и дотронувшись до помянутыхъ рыбъ миртовымъ хлыстикомъ, дѣлаетъ имъ сей вопросъ: *рыбы, рыбы, отправляете ли вы свою должность?* Всѣ вдругъ поднявъ головы изъ сковороды, отвѣчаютъ самымъ глупымъ на свѣтѣ образомъ, а потомъ вдругъ превращаются въ уголья. (*) Шах-Жебалъ,

(*) Тысяча и одна ночь томъ I. стр. 147. томъ 5 стр. 198.

балЪ, вмѣсто того, чтобы, какЪ его достославный дѣдЪ, такія повѣсти сЪ великимЪ удивленіемЪ и великимЪ удовольствіемЪ слушать, столько былЪ недоволенЪ, что принуждены были переставать разсказывать по средѣ повѣствованія. ПотомЪ покушались увеселять его сказками Визиря Мослемы (*), вЪ которыхЪ неоспоримо болѣе остроты, и болѣе *Разума* и *премудрости* подЪ видомЪ *наружной* скрывалось *бездѣлицы*. Но Шах-ЖебалЪ ненавидѣлЪ вЪ оныхЪ темныя мѣста, не потому, что онѣ были темны, но за то, для чего онѣ были не темнѣе; поелику онЪ имѣлЪ дѣйствительно здравой вкусЪ находить вЪ шуткѣ, сколько бы она хитро запутана ни была, удовольствіе; вообще, сластолюбивѣйшія, и нѣжнѣйшія волшебницы казались ему сЪ своею премудростію и своею испытанностію *Все* или *ничто*: *молчаливый ПедантЪ* сЪ своею Геоме-

(*) АхЪ какія сказки! господина Кребильона, сына.

метріею, *Царь Струсъ* съ своею глупою политикою, и съ своимъ брильнымъ блюдечкомъ, и чудное смѣшеніе изрядствъ и украшеній, *Царица Кристальныхъ остроповъ*, со всемъ, что она говорила, дѣлала и не дѣлала, казались ему несносными твореніями. Онъ объяснился, что онъ не желаетъ никакихъ повѣстей, естьли онѣ, чтобъ тѣмъ менѣе быть къ нимъ прелеплену, не нравоучительныя и не благопристойны; притомъ требовалъ, чтобъ были истинныя и изъ достовѣрныхъ взятыя подлинниковъ, и (что онъ почиталъ за существенное свойство вѣроятности) *ничего чуднаго* въ себѣ не заключали; чего онъ былъ всегда явный непріятель. Сіе произвело въ обоихъ прежде упомянутыхъ Омрасахъ, благоразумныхъ оныхъ мужахъ, мысли составить родъ сокращенной Исторіи, выбранной изъ достопамятнѣйшихъ приключеній *древняго сосѣдственнаго государства*, изъ которой бы что нибудь читать ему, ко-

гда онъ пойдетъ спать, и продолжать до тѣхъ поръ, пока не заснетъ; или когда ужѐ не соблаговолитъ болѣе слушать. Сія мысль казалась тѣмъ болѣе быть благоразумнѣйшею, что она подавала случай внушать Султану такія истинны, которыя бы, и не бывши Султаномъ, противно было слушать.

И такъ помышляли безъ отлагательства о исполненіи; и какъ употребили къ тому разумнѣйшаго изъ всѣго Индостана мужа (который въ сравненіи съ Европейскими хотя былъ и невѣроятнѣе), однако сіе твореніе окончано было въ короткое время. Гіангъ-Фю-Тсе нѣсколько извѣстный писатель въ послѣднихъ лѣтахъ Императора Таи-Тсу почелъ сіе сочиненіе достойнымъ переложить на Китайскій языкъ подъ именемъ *Золотаго Зеркала*. Почтенный отецъ I. Р. Д. Л. В. Д. I, перевелъ съ Китайскаго на посредственную Латынь. Нѣмецкій издатель съ подлинника Латинскаго рукописца перевелъ на языкъ сыновъ Теутса (какъ нынѣ

обы-

обыкновенно выражаютъ); а послѣ переведена она съ Нѣмецкаго на Французскій, а настоящій издатель, сколько могъ, исправнѣе, перевелъ съ Французскаго на Россійскій языкъ.

Можно заключить изъ предувѣдомленія Китайскаго Переводчика, что книга сія собственно только единое извлеченіе изъ лѣтописца Царей Шешіанскихъ, сдѣланнаго для увеселенія и усыпленія Султана Жебала. Онъ не скрываетъ, что главное его намѣреніе было полезнымъ быть сынамъ дому Императора Таи-Тсу; поелику онъ думалъ, что книга сія подъ видомъ препровожденія времени, могла подать свѣтъ, и внушить пра́вила, отъ употребленія и злоупотребленія которыхъ могло зависѣть большею частію благополучіе Китайскихъ провинцій. Колико ни стары сіи истины, говоритъ онъ, однако кажется, что не безполѣзно ихъ повторять чаще. Онѣ уподобляются славному лѣкарству, но которое такого свойства, что оно только отъ ча-

частаго употребленія дѣйствовать можетъ. Все только замыкается въ умѣніи выдумать новую похлебку, чтобы какъ болящіе, такъ и здравые могли принимать ее съ удовольствіемъ; поелику сіе послѣднимъ служитъ предохраненіемъ, а первымъ лѣкарствомъ.

Что касается до отступленій, и Эпизодовъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ въ повѣствованіи, а особливо въ примѣчаніяхъ Султана Жебала, хотя увѣряетъ Гіангъ-Фу-Тсе, что онъ ихъ получилъ отъ честнаго и вѣроятія достойнаго человѣка, и что онъ совершенно убѣжденъ, что послѣднія дѣйствительно произошли отъ помянутаго Султана; но сіе не воспрещаетъ, благосклонному читателю о томъ думать то, что ему угодно. По крайней мѣрѣ кажутся онѣ быть довольно сразмѣрны свойству Султана; впрочемъ было бы несправедливое требованіе, что бы онѣ столько же были остроумны и полезны, какъ разсужденія Шах-Багама, мудраго.

ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ.

I.

Шешіанскіе! вскричалъ Шах-Жебалъ; мнѣ кажется, я знаю сіе имя. Не тотъ ли Шешіанъ, гдѣ Гіауф-Телес-Танцаи былъ Царемъ, котораго проклятый уполопникъ вы мнѣ недавно хотѣли дать проглотить, естьли бы я столько же храбро, какъ и великій жрецъ Согреню, не защитился?

Чаятельно, Ваше Величество, сказала черноглазая черкашенка, которая ужѐ за нѣсколько времени пересташа быть молодою, но которая, не взирая на увядшія свои прелѣсти сохранила весьма пріятный голосъ, который она употребляла для

увеселенія Султана, и весьма удачно, при всякихъ обстоятельствахъ, дозволявшихъ имъ быть наединѣ. Безъ сомнѣнія, Ваше Величество, сказала она; это тотъ самый дѣйствительно Шешіанъ; поелику насъ ни что не принуждаетъ принять двухъ разныхъ, когда намъ и одного довольно, который по объявленію нѣкоторыхъ древнихъ землеописателей во времена своего сіянія и славы почти толико же обширенъ долженъ быть, какъ государство Вашего Величества. (*), и къ востоку.

До Географіи я никакого не имѣю дѣла, прервалъ Шах-Жебалъ, естьли ты только хочешъ обѣщать мнѣ, Нурмагаль, начать свою исторію

(*) Правда, что онъ больше былъ, но прекрасная черкашенка довольно знала обхожденіе, чтобъ сдѣлать такую неучтивость Султану, *почти толико же обширенъ*, вотъ все на что можно, въ подобныхъ отважиться случаяхъ.

Примѣчаніе Китайскаго Переводчика.

рію съ того времени, въ которое волшебницы ужѐ не обладали свѣтомъ. Ибо я единожды сказалъ навсегда, что я не хочу слышать разговоровъ о несчастныхъ бракосочетаніяхъ, о старыхъ Конкомбрахъ, имѣющихъ столь безстыдное счисленіе, о кротахъ, которые съ отмѣннѣйшими оборотами и высокимъ языкомъ ничего не говорятъ; коротко, ничего о любовныхъ дѣлахъ, такъ, какъ и одѣлахъ остроумнаго Мустаха, и о глупой его Чайкѣ, которая дѣлаетъ столь изрядные Епиграммы и столь хорошія колеса. Однимъ словомъ, Нурмагаль, и не шутя говорю, что ни о Неадарнѣ, и ни о уполовникѣ.

Ваше Величество, можетъ быть увѣрены, продолжала Нурмагаль, что волшебницы не войдутъ ни за чѣмъ въ сію повѣсть; а что касается до остроумія, то знаете, Ваше Величество, что можно обыкновенно отъ шести до семи насчитать Царей по порядку, чтобъ дойти до такого,

 кото-

которой бы имѣлъ право на сіе титло. Прошу такъ же сударыня, и никакихъ Сатиръ не вмѣшивать; начните вашу повѣсть безъ околичностей; а ты, сказалъ онъ одному младому Мирцѣ, который имѣлъ честь сидѣть на полу у его краватти, примѣчай, сколько разъ я зевну; какъ скоро три раза, то закрой книгу, и добрая вамъ ночь.

Искать въ какомъ бы то народѣ ни было (симъ начала прекрасная Нурмагаль свое чтеніе) исторію его *перьпобытнаго состоянія*, есть требовать отъ кого нибудь, чтобъ онъ вспомнилъ о томъ, что съ нимъ во чревѣ матернемъ прежде рожденія, или въ первы дни его жизни приключилось.

Жители Шешіанскіе не изключаются изъ сего правила. Они наполняютъ, какъ и всѣ прочіе въ свѣтѣ народы, бездну, существующую между ихъ началомъ и Епохою ихъ исторіи, баснями; и сіи басни у всѣхъ народовъ столько равнообра-

образны, сколько можно онаго надѣяться отъ тварей, находящихся на первомъ степени человѣчества. Первый между ими открывшій, что ананасъ вкуснѣе огурца почитался за бога у своихъ потомковъ.

Древніе Шешіане думали, что *большая обезьяна* внушила ихъ предкамъ первыя познанія о способности, наукахъ, художествахъ и общежитіи.

Обезьяна? вскричалъ Султанъ, ваши Шешіане весьма подлы и глупы, что приписали обезьянамъ надъ собою сіе преимущество.

Пріявшіе сіе мнѣніе чаятельно не умствовали такъ далеко, отвѣчала прекрасная Нурмагаль.

Безъ сомнѣнія, сказалъ Султанъ; но я бы желалъ знать, у какихъ народовъ сіе суевѣріе могло снискать себѣ такую довѣренность.

Ваше Величество, лѣтопись о томъ умалчиваетъ; но естьли бы могло быть позволено лицу моего

пола

ября на толь ученый предметъ сдѣлать заключеніе, то я бы сказала, что мнѣ ничто не представляется понятнѣе. Никакое суевѣріе не было никогда столько глупо, чтобы не имѣло основаніемъ какую нибудь истинну. Не могла ли обезьяна чему нибудь учить древнихъ Шешіанъ, не искуство ли то было взлазить на дерево и орѣхи разгрызать? Ибо хотя намъ сіи знанія нынѣ и кажутся столько удобными, однако можно думать, что люди оное переняли у обезьянъ, а не обезьяны у людей сему научились.

Прекрасная Султанша умствуетъ весьма правильно, сказалъ Докторъ Данишемендъ, тотъ изъ придворныхъ Философовъ, котораго Султанъ любилъ всѣхъ больше, поелику онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ лучшую въ свѣтѣ душу; и посему пользовался онъ милостію, и дозволеніемъ быть ему при семъ прочтеніи съ помянутымъ Мирцою. Не надлежитъ думать, примолвилъ онъ, чтобъ первые Шешіана

шіана люди остроумнѣе были Изанаги Но Ми Котто, одного изъ Японскихъ богоцарей, о которомъ ихъ исторія увѣряетъ, что онъ искусство поступать съ своею женою Изанами по образу смертныхъ перенялъ у птицы Изіатадакки. (*)

Шах-Жебалъ покачалъ при семъ примѣчаніи, не извѣстно для чего, головою; а Нурмагаль не постыжая мысли Философа Данишеменда, продолжала слѣдующимъ образомъ:

Въ первой Епохѣ, которая начинаетъ просвѣщать Исторію Шешіана, государство было раздѣлено на множество малыхъ областей, имѣющихъ столькоже малыхъ Государей. Всякую минуту соглашались двое или трое изъ сихъ владѣльцевъ на опустошеніе соединенными силами земель четвертаго; послѣ чего за раздѣлъ раззоряли одинъ другаго; во что вмѣшивался пятой, и для приведенія ихъ вдругъ въ согласіе, при-

ни-

(*) Смотри Кемпферово описаніе Японскаго государства ча. I. гл. 7. §. 112.

нималъ предметъ раздора до рѣшенія трудностей подъ свое покровительство.

Сіи объявленія войны, раззоряющія подданныхъ, продолжались до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ слабѣйшихъ не сдѣлали предложенія, чтобы для общей безопасности, всѣ Ханы и Раи подвергнулись общему начальнику. Сильнымъ весьма понравилось сіе предложеніе, поколику каждый надѣялся, что выборъ падетъ на него. Но едва успѣли рѣшить сіе дѣло, то увидѣли, что не лучшее выбрали средство для возстановленія спокойствія.

Новый Государь достоинъ былъ преимущества, приписаннаго ему народомъ. Вниманіе къ его личнымъ заслугамъ подкрѣпляло его долгое время въ трудахъ, и Шешіанъ наслаждался покоемъ нѣсколько минутъ, которыя употребилъ онъ на начертаніе законовъ, какихъ и самъ Конфуцій лучше бы сдѣлать не могъ; законы, которымъ ничего не недоста-

ставало, чтобъ быть совершенными, какъ только дѣйствовать *самимъ собою*, какъ говорятъ о истуканахъ одного древняго рѣщика, то есть, что зависѣло отъ произволенія подданныхъ хранить оныя, или имъ не слѣдовать. И подлинно, они были наполнены такими правилами противъ насилія, отъ коихъ точно зависѣло спокойствіе и благосостояніе народа. Но Государь не имѣлъ ни малой власти опредѣлять наказанія. Когда онъ хотѣлъ привести себѣ въ повиновеніе одного изъ своихъ Раевъ, то надлежало ему поручить другому принудить его къ тому, и такимъ образомъ справедливыя опредѣленія оставались всегда безъ дѣйствія. Ибо воронъ ворону никогда совсѣмъ глаза не выклюнетъ, говоритъ Царь Дагобертъ. (*)

Кто

(*) Прекрасная Нурмагаль, или лѣтопись обманывается въ лицѣ. Естьлибъ она захотѣла посовѣтовать съ Григоріемъ Турскимъ, то бы увидѣла въ шестой книгѣ

Кто был сей Царь Дагоберт, спросил Султан Философа Данишеменда?

Данишеменд имел при всех своих мнимых или действительных преимуществах такой порок, который, хотя сам по себе и неважен, однако в некоторых обстоятельствах доволен пристыдить самую умную голову. Никогда не мог он найти ответа на такой вопрос, на которой он не приготовился. Сей порок был бы в нем может быть и не столько примечен; но он увеличивал его обыкновенно другим, которой по истинне в таком благоразумном муже непростителен. На пример, ежели

книге (мы не упомним, в которой главе), что это был Царь Хилперик; однако признаться должно, что для него Дагоберт и Хилперик могли быть совершенно одинаковы, так как для Султана Жебала и всей Индіи.

Примечаніе Латинскаго переводчика.

ежели Султанъ спрашивалъ у него что нибудь такое, чего онъ не зналъ, то онъ заикался, перемѣнялся въ лицѣ, и розинувъ ротъ, оставался неподвижнымъ, какъ будто бы искалъ припамятовать свои мысли. Каждый надѣялся часъ отъ часа, что онъ объяснится; но когда наконецъ долгое ожиданiе обманывалъ онъ бѣдненькимъ словцемъ, *я не знаю*, то не можно было ему простить, поколику, думали, что онъ могъ то сказать въ тужъ минуту. Таковъ былъ дѣйствительно и сей случай, въ которомъ онъ тогда находился; хотя никто въ свѣтѣ не былъ ему извѣстнѣе Царя Дагоберта.

Я виноватъ, что сдѣлалъ такой вопросъ Философу, сказалъ Султанъ съ нѣкоторымъ неудовольствiемъ; позовите сюда моего Канцлера.

Канцлеръ былъ большой дородный мужичина, который между прочими похвальными качествами, имѣлъ столько остроты, сколько надобно, чтобы имѣть отвѣтъ на всякой вопросъ въ готовности.

Господинъ Канцлеръ, кто былъ Царь Дагобертъ, спросилъ Султанъ?

Ваше Величество, отвѣчалъ Канцлеръ съ важностію, поглаживая правою рукою по брюху, а лѣвою разправливая усы; онъ былъ Государь, царствовавшій въ древности въ нѣкоторой землѣ, которыя ни на какой Индостанской ландкартѣ не сыщешь, можетъ быть, потому, что она была столько мала, что не можно было означить ни сѣверной ни южной ея стороны.

Очень изрядно! господинъ Канцлеръ; но что говорилъ Царь Дагобертъ?

По большей части ничего, отвѣчалъ Канцлеръ, а развѣ во снѣ, что ему иногда приключалось въ своемъ Диванѣ. Канцлеръ его, который будучи близорукъ, не всегда видѣлъ, бдѣлъ ли Царь или дремалъ, принималъ часто за повелѣніе то, что онъ во снѣ бредилъ, и исполнялъ немедленно; а что всего чрезвычайнѣе; историописатели увѣряютъ,

ютЪ, что сіи самыя учрежденія изЪ всѣхЪ издаваемыхЪ чрезЪ все время его царствованія были разумнѣйшія.

Добрая ночь, господинЪ Канцлеръ, сказалЪ Шах-ЖебалЪ.

(Должно признаться, что Султаны дѣлаютЪ иногда чудные людямЪ вопросы.)

Изрядное дѣло, что тотЪ КанцлелЪ остроумный человѣкЪ, продолжалЪ СултанЪ, по отшествіи своего. Я знаю довольно, Нурмагаль, что вы кЪ нему никогда не бывали благосклонны; а естьли я милостивѣе обЪ немЪ думаю, то конечно не для того, что я его не знаю. Я вѣдаю, что онЪ вЪ основаніи, со всѣми наставленіями, сродными его особѣ, которая есть живое вмѣстилище всѣхЪ законовЪ, указовЪ, древнихЪ обыкновеній и новыхЪ злоупотребленій моего государства, есть только гнусный строитель кововЪ, лживый, беспокойный, ненасытный, мстительный человѣкЪ, и тайный непріятель всѣхЪ тѣхЪ лю-

дей, о коихЪ ему естественное побужденіе внушало, что они превосходнѣе и сильнѣе его. СверьхЪ того извѣстно мнѣ, что онЪ допускалЪ управлять собою злобному маленькому Факиру, который его увѣрилЪ, что онЪ знаетЪ тайну перевести его чрезЪ мостЪ, который не ширѣ острія бритвеннаго, безЪ всякой опасности. Но хотя бы мой КанцлерЪ вЪ десятеро хуже былЪ, нежели теперь, то я не могу не любить его за дарованіе, что можетЪ сыскать отвѣтЪ на всякой заданный ему, и имЪ неожидаемый трудный вопросЪ; и которой онЪ сЪ такою безстыдною важностію защищаетЪ, что не льзя не согласиться на оной и не быть имЪ довольнымЪ. . . . Но постой, мы забываемЪ заговорясь о Царѣ Дагобертѣ и моемЪ Канцлерѣ о бѣдномЪ Царѣ ШешіанскомЪ, и дѣлаемЪ сіе несправедливо. Я весьма сожалѣю о добромЪ человѣкѣ, хотя бы онЪ былЪ недостатковЪ и глупостей своихЪ самЪ причиною. Поддан-

данные его смѣются ему, какъ лягушки въ басняхъ ругались своему *Царю Отрубку*. Для чего онъ принялъ корону на таковыхъ договорахъ?

Ваше Величество, сказала Нурмагаль, вы извините конечно сїю его глупость, естьли разсудите, что народъ желалъ имѣть Царя; и что разсмотря всѣ обстоятельства, всегда лучше быть самому Царемъ, нежели видѣть другаго на престолѣ. Онъ могъ съ нѣкоторою вѣроятностїю надѣяться, что случаи подадутъ ему способы утвердить и увеличить свою власть, сколько бы она съ начала ограничена ни была. Сверьхъ сего онъ имѣлъ большую способность, нежели простый человѣкъ; собственное его княжество было изъ знатнѣйшихъ; а сдѣлавшись главою и повелителемъ партїи, возведшей его на престолъ, могъ онъ ласкаться все превозмочь.

„Однако онъ ласкалъ себя слишкомъ много?„

 Сїе

Сіе не могло иначе быть, отвѣчала Султанша. Единомышленники его ожидали отъ него большихъ награжденій, нежели какія онъ былъ дать въ состояніи. Требованія ихъ не имѣли никакихъ предѣловъ. Онъ хотѣлъ, что бы сдѣлавшіе его Царемъ оказывали ему услуги и должное повиновеніе; а возведшіе его на престолъ думали, *что онъ имъ всемъ долженъ*. Такое различіе мнѣній должно было имѣть такія слѣдствія, которыя бы Царя и купно народъ учинили нещастными. Когда онъ желалъ точно играть принятое на себя лице, то необходимо надлежало ему поссориться съ своими Раіями, желавшими охотнѣе видѣть, что бы онъ игралъ другую какую особу, нежели Царскую. Все его правленіе было въ волненіи и колебаніи и исполнено замѣшательствъ, а между послѣдователями его шло еще хуже. Всякое новое преимущество получаемое Князьями надъ своимъ Государемъ возвышало ихъ

кич-

кичливость, и увеличивало ихъ требованія. Подъ видомъ приведенія въ безопасность ихъ вольности, (вещи, о которой кажется они никогда не имѣли опредѣленнаго понятія) и права народнаго (котораго они никогда изъяснять не старались) отъ самопроизвольнаго насилія, Царская власть мало по малу толико сдѣлалась ограниченною, что, какъ говоритъ баснь о нѣкоторой Нимфѣ, учинилась единою только *тѣнію*. . . .

. . . . Здѣсь зевнулъ Султанъ въ первый разъ . . . .

Пока наконецъ отъ самой сей тѣни не осталось кромѣ *слабаго гласа*, который едва имѣлъ силу повторить то, что ему говорили.

Во все продолженіе сего періода Шешіанъ находился въ отчаяннѣйшемъ состояніи. Изъ трехъ сотъ большихъ и малыхъ округовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ особеннаго своего владѣльца, большая часть походила на землю, опустошенную незадолго гладомъ, войною, язвою и на-

водненiями. Природа не представляла тамъ ничего прiятнаго, ничего изъ той прельщающей пестроты, и привлекающаго вида, называющагося изобилiемъ и блаженствомъ, съ коими она обольщаетъ чувства и сердце въ странахъ, управляемыхъ мудрымъ Государемъ.

Здѣсь уяснилось вдругъ лице Султана. Онъ размышлялъ о своихъ увеселительныхъ за́мкахъ, о своихъ очарованныхъ садахъ, о прекрасныхъ окрестностяхъ, коими вездѣ увеселялся, о мозаическихъ украшенiяхъ, и о усаженныхъ въ два ряда цитронными деревьями дорогахъ, его во всѣ оныя мѣста ведущихъ, и чувствовалъ самъ въ себѣ чрезъ нѣсколько минутъ удовольствiе совершеннѣйшаго спокойствiя . . . . .

Оба омрасы не желали сего, что бы онъ при семъ случаѣ о семъ разсуждалъ . . . Продолжай, Нурмагаль, сказалъ довольный Султанъ.

Со всѣхъ сторонъ встрѣчалися глазамъ путешественника сострадающаго

ющаго о состоянiи своихъ сочеловѣковъ печальныя изображенiя бѣдности и безчеловѣчнѣйшаго притѣсненiя.

Меньшiе владѣтели, коимъ Царь Шешiанскiй обязанъ былъ оставлять девятнатцатую отъ дватцати частей своихъ подданныхъ, имѣли въ рассужденiи управленiя своихъ земель такой образъ рассужденiя, который уподоблялся образу дикихъ, о коихъ сказываютъ, что они для снятiя съ древа плода не находятъ удобнѣйшаго средства, *какъ срубить оное.* Въ своихъ увеселенiяхъ, казалось, они поставляли за главное пра́вило наслаждаться *настоящею минутою* не безпокоясь о слѣдствiяхъ. Сiи владѣльцы не имѣли ничего ни въ головѣ ни въ сердцѣ, чтобы имъ говорило въ пользу утѣсненнаго человѣчества. Народъ въ глазахъ ихъ не имѣлъ никакого пра́ва, а Государь никакой должности. Они почитали народъ за сонмъ одушевленныхъ машинъ, которыя на подобiе другихъ животныхъ

ныхъ

ныхъ природою произведены служить имъ, и которыя не имѣютъ никакого пра́ва на спокойствіе, выгоды и житейскія забавы. Сколь ни трудно представить себѣ существованіе и возможность толико чуднаго образа разсужденія; однако то правда, что они до того довели, что заставили почитать себя самихъ за родъ вышшихъ существъ, которыя, подобно Епикуровымъ богамъ, въ жилахъ не имѣли крови, но единый только видъ оной; произволенію которыхъ сама природа долженствовала повиноваться; и которымъ все было позволено, а отъ нихъ никто не смѣлъ ничего требовать. Рабство нещастныхъ, ослабѣвающихъ подъ игомъ ихъ, простиралось столь далеко, что они почитали за незаслуженую милость, когда имъ позволялось общее право человѣчества. Слѣдствія толико возмутительнаго положенія сами собою представляются. *Общее уныніе остановило мало по малу всѣ побудительныя пружины, дѣйству-*

ствующія къ совершенству; разумъ погасалъ при своемъ рожденій, прилѣжаніе устрашено; снѣдающая печаль и видимое отчаяніе заступило мѣсто страстей, чрезъ кои одушевляющее дыханіе открываетъ природу человѣка, и дѣлаетъ его орудіемъ великихъ намѣреній (*). Невольники неимѣющіе никакой

(*) Я не могъ, говоритъ Китайскій Переводчикъ, пропустить въ молчаніи примѣчанія Индѣйскаго издателя, хотя мои читатели никакого непосредственнаго употребленія изъ онаго сдѣлать не могутъ. Вотъ его собственныя слова: я бы желалъ, чтобы всѣ наши вельможи и благородные употребляли сей періодъ, начинающейся сими словами: *общее уныніе* и проч. и окончившейся *великихъ намѣреній*, въ испытаній Факировъ, коимъ они намѣрены поручить воспитаніе своихъ дѣтей. Къ сему ничего имъ не потребно, какъ Факиру оной періодъ предложить, и просить у него яснаго оному истолкованія и объясненія на содержащіяся въ ономъ понятія и положенія.

кой надежды высвободиться изъ своей бѣдности, какъ чрезъ рѣдкой случай, изъ десяти тысячь едва попадающейся одному, работаютъ только тогда, когда ихъ *принуждаютъ*, и не можно ни коимъ образомъ принудить ихъ что нибудь *хорошо* дѣлать. Они не чувствуютъ болѣе достоинства своего существованія; оттуда слѣдуетъ лишеніе всѣхъ благородныхъ и великихъ чувствованій, оттуда невѣденіе ихъ врожденныхъ правъ. . . .

Сул-

женія. Впрочемъ можно для большей безопасности къ сему испытанію пригласить безпристрастнаго философа. Естьли факиръ разумѣетъ довольно періодъ, такъ въ доброй часъ! а естьли не понимаетъ, или объ ономъ умствуетъ какъ *Индѣйской пѣтухъ*, то ваши превосходительства, ваши милости, ваши высоко - и благо - родія можете на то положиться, что онъ превосходное подлежащее, естьли ваше намѣреніе къ тому клонится, чтобы не весьма *умудрять* своихъ сыновей.

Султанъ зевнулъ здѣсь въ другой разъ . . . . .

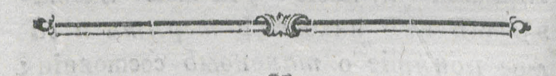
. . . . Ихъ чувствованія и нравы низводятъ ихъ къ роду скотовъ, съ которыми они принуждены участвоватъ въ ихъ жизни и состояніи; невозможность когда нибудь наслаждаться лучшею участью заставляетъ ихъ наконецъ *терять и самое понятіе о такотомъ* состояніи; они почитаютъ благополучіе за особенное свойство боговъ и ихъ обладателей, на которое дерзнуть учинить хотя малѣйшее требованіе, по ихъ чувствованію, почтется за беззаконіе и великое предательство.

Такова была степень упадка и бѣдности, въ которыя злосчастные жители Шешіанскіе низвергнулись. *Повсемственное безумство* привело бы ихъ чрезъ короткое время обратно въ помянутое состояніе, изъ котораго большая обезьяна, по ихъ древнему предрассужденію, извлекла ихъ предковъ; въ состояніе, въ которомъ они по крайней мѣрѣ невоз-

мож-

можностію погрузиться еще въ хуж-
шее могли бы утѣшаться: естьли бы
не нечаянная перемѣна . . . .

Здѣсь Мирца далъ знать пре-
красной Нурмагалѣ, что Султанъ во
время чтенія послѣдняго періода за-
снулъ.

II.

Султанъ уже нѣсколько недѣль
такъ крѣпко не сыпалъ, какъ по-
слѣ перваго прочтенія Султанши Нур-
магали; и Его Величество чрезъ весь
день былъ бы всего свѣта веселѣе,
естьли бы не пажъ, который обыкно-
венно буживалъ его къ утренней мо-
литвѣ, не помѣшалъ ему и не прер-
валъ его по срединѣ привидѣвшагося
ему о Царѣ Дагобертѣ сна, котора-
го слѣдствія желалъ онъ видѣть съ
нетерпѣливостію.

Прекрасная Нурмагаль никакъ не
преминула и въ слѣдующую ночь по-
бывать у Султана въ обыкновенное
вре-

время для вторичнаго испытанія своего усыпительнаго, которое ей въ первый разъ столь изрядно удалось, а притомъ съ тѣмъ преимуществомъ, что оно всѣхъ тѣхъ безвреднѣе, какія можно употреблять.

Надлежитъ примѣчать единожды на всегда, что сія госпожа, которая чаятельно ужѐ читала въ своемъ собственномъ кабинетѣ Исторію о Шешіанѣ, и которая, какъ вѣроятно, будучи женщина весьма остроумная, ученая и прозорливая, въ чтеніи не столь точно держалась содержанія своея книги.

Она умѣла къ стату, разпложать повѣствованіе и обогащать оное собственными разсужденіями, прибавлять къ высокопарности слога перемѣны принаравленныя къ настоящему положенію и духу Султана. И такъ иногда говорила она сама отъ себя, иногда оставляла повѣствованіе, такъ что не нужно впредь каждый разъ напоминать о томъ читателю. Оставимъ сіе собственному ея остроумію, и живости.

Ваше

Ваше Величество, сказала она, начавши, помните о состоянiи, въ которомъ мы вчера оставили жителей Шешiана. Очи находились въ такомъ отчаянномъ положенiи, что только отъ перемѣны государства ожидать могли нѣкотораго облегченiя своей бѣдности. Случай къ тому не могъ быть далекъ. Огулъ, Ханъ нѣкотораго сосѣдственнаго Татарскаго народа, тотчасъ употребилъ ту минуту въ пользу, когда нѣсколько Князей безъ всякой довольной причины свергнули съ престола царствующаго Государя, а о избранiи новаго преемника столь мало между собою соглашались, что наконецъ почти столько же выбралось Царей, сколько было провинцiй въ государствѣ. Каждый изъ сихъ соперниковъ не могъ терпѣть другаго; и такъ государство испытало въ то же время всѣ гоненiя и страхи безначальства и мучительства; одна половина государства была раззорена, а другая увидѣла себя принужденною

всякаго, кто ее, каким бы то образом ни было, свободит от притѣснителей, почитать за своего Бога хранителя. Многіе, кои всего могли надѣяться, потому что им нѣчего было потерять, прилѣпились к сторонѣ похитителя. Маломощные Раи и вельможи государства послѣдовали их примѣру; а прочіе укрощены были тѣм с меньшим трудом, чѣм больше несогласіе препятствовало им дѣйствовать мужественною рукою на отторженіе общаго непріятеля. И так Огул Хан узрѣл себя в короткое время спокойным обладателем Шешіанскаго царства. Народ, выигравшій свои выгоды перемѣною правленія, не думал и не мог мыслить о предписаніи своему свободителю *договоров*. Старинные *боляре* могущіе о сем помышлять, были ужѐ в таком состояніи, что не дерзали принимать сей вольности с своим побѣдителем; и должны были с веселым видом самую без-

бездѣлицу, оставшуюся отъ своего потеряннаго величества получать изъ его рукъ за милость. Состояніе государства Шешіанскаго сдѣлалось тогда самодержавною *Монархіею*, то есть, *что оно совсѣмъ не имѣло* никакихъ положеній, но все зависѣло отъ произволенія завоевателя, или отъ степени премудрости или глупости, милости или развратности, правды или неправосудія, къ чему могли его склонять природное его сложеніе, обстоятельства, положеніе духа и случай. Къ щастію побѣжденныхъ Огулъ былъ, какъ большая часть завоевателей Татарскихъ, изъ весьма добрыхъ Государей. . . . . . .

Чтобы вамъ не помѣшать, сударыня, сказалъ Шах-Жебалъ, я бы желалъ весьма знать, что вы разумѣете чрезъ вашихъ *добрыхъ Государей*?

Ваше Величество, отвѣчала прекрасная Нурмагаль, я признаюсь, что нѣтъ ничего неопредѣленнѣе,

какъ сіе выраженіе, и что тотъ, котораго обыкновенно называютъ добрый Государь, бываетъ часто самымъ худымъ. Но не такъ было въ настоящемъ случаѣ. Правда, что Огулъ-Ханъ имѣлъ нѣкоторые достойные примѣчанія пороки. Онъ столько ревнителенъ былъ къ своей самопроизвольной власти, что весьма удобно можно было впасть въ нещастіе озлобя его; а озлобленный былъ мстителенъ и жестокъ въ своемъ отмщеніи. Сверьхъ сего имѣлъ онъ дурной обычай, присвоять себѣ всѣхъ пригожихъ женщинъ; и когда бы онъ любилъ вино меньше, то бы знаменитый Султанъ Саломонъ долженствовалъ въ семъ ему уступить. Но сей порокъ. . . . . . .

Это весьма существенные пороки, сказалъ Шах-Жебалъ. . . . . . .

Безъ сомнѣнія, Ваше Величество, примолвила Нурмагаль; но есть нѣкоторые весьма благополучные народы, кои управляются такимъ Государемъ, котораго самые пороки

 ми-

милы, естьли иначе можно назвать то порокомъ, что имѣетъ въ излишествѣ нѣкоторыхъ совершенствъ свой источникъ. Маленькая лестюшка! сказалъ Шах-Жебалъ, потрепавъ ее легонько по плечу, котораго красоту изъ подъ длинныхъ далеко закинутыхъ рукавовъ можно было видѣть. Таковое небольшое обстоятельство могло бы разстроить самое лучшее чтенiе подлѣ постели Его Величества, естьли бы время и обычай не превратили нашего Султана на семъ пунктѣ въ совершеннѣйшаго Философа.

Сiи пороки (продолжала Нурмагаль, не опуская помянутаго рукава) награждались нѣкоторыми весьма важными добродѣтелями. Огулъ-Ханъ находилъ удовольствiе упражняяся въ дѣлахъ касающихся до правленiя. Онъ ввелъ въ честь землепашество, возобновилъ разрушенные грады, заложилъ новые, привлекъ въ свои области науки и художества своихъ сосѣдей, разсматривалъ дарова-

рованія и заслуги для награжденія и употребленія въ пользу оныхъ, почиталъ добродѣтель, и сносилъ иногда предлагаемую ему правду съ великодушіемъ.

Сіе послѣднее свойство примиряетъ меня паки съ вашимъ Огуломъ, сказалъ Султанъ усмѣхнувшись. Когда бы онъ меньше любилъ вино, то бы онъ могъ заслужить мѣсто между великими своего времени мужами. (*)

(*) Почти не нужно примѣчать, что Шах-Жебалъ былъ претрезвый своего вѣка Султанъ и смертный непріятель піянства въ другихъ. Его непріятели не пропустили и сея добродѣтели, которыя у него отнять не могли, ни уменьшить цѣну оной, похитя у нее все, что дѣлало ее похвальною. Но мы почитаемъ за ненадобное дѣйствіе ихъ злобы разположать приведеніемъ ихъ грубыхъ догадокъ. Шах-Жебалъ не имѣлъ столько добродѣтелей; но не справедливо и оставлять въ неизвѣстности и малыя, которыя онъ имѣлъ.

Примѣчаніе Китайскаго Переводчика.

„На примѣръ, какъ поступалъ
„Его Величество Огулъ Ханъ, ко-
„гда онъ приказывалъ кого нибудь
„обезглавить безъ причины, спро-
„силъ Данишемендъ. Развѣ при-
„ставливалъ вощаную, или имѣлъ
„тайну магическихъ порошковъ, по-
„средствомъ которыхъ Принцъ Те-
„ламиръ своему брату и прекрасной
„Делiѣ приставилъ обратно головы,
„отрубленныя имъ изъ заблужденiя
„ревности? (*)„

Молодый Мирца далъ знать Султану, сказавъ ему на ухо, съ какою нетерпѣливостiю ждалъ Докторъ минуты, въ которую бы могъ показать свое глубокое ученiе въ чтенiи волшебныхъ сказокъ.

Данишемендъ имѣетъ небольшой порокъ, сказалъ Султанъ, что употребляетъ иногда вольность быть безстыднымъ, которая ему яко Философу оставляется. На сiе не надобно съ нимъ дѣлать возраже-

(*) Библiотека духовъ т. 2.

женія; но пусть его оставитъ въ покоѣ друга моего Огула, естьли только Философъ способенъ пользоваться добрымъ совѣтомъ.

Однимъ словомъ, продолжала Нурмагаль, Огулъ при всѣхъ своихъ порокахъ былъ достославный Государь, что самые того времени Бонзы силятся на перекоръ говорить о немъ хорошее „ему ничего не доставало, что бы быть лучшимъ изъ „Государей, говорятъ они, кромѣ „того, что онъ противу всякой на„дежды, которую мы имѣли причи„ну на него полагать, оставилъ „свѣтъ, не принесши никогда жер„твы большой обезьянѣ „.

Знаете ли вы, прекрасная моя Султанша, сказалъ Шах-Жебалъ, что сего, что вы намъ теперь сказали, довольно поссорить меня на всегда съ вашимъ Огуломъ? кленусь бородою пророка! что такой Государь, о которомъ Бонзы въ запуски говорятъ хорошо, долженъ. . . Я не хочу сказать того, что онъ

 дол-

долженъ быть. Поди, поди Нурмагаль, не говори мнѣ болѣе ничего о своемъ Огулѣ. Ему надлежитъ имѣть слабую, простую, суевѣрную и робкую душу; это такъ ясно, какъ дневное свѣтило. Бонзы его выхваляли? какое доказательство Евклида можетъ убѣдить лучше сего?

Естьли бы позволилось Философіи, сказалъ Данишемендъ косноязычествуя выговорить Царю Царей, моему Государю. . . .

Ну, Г. Докторъ, перервалъ его Султанъ, послушаемъ, что ты намъ имѣешъ сказать именемъ твоея Госпожи. Я расположился слушать безуміе. Поворачивайся, но безъ заиканья Господинъ Данишемендъ, или я зазвоню. . . .

Лучшій Султанъ остается, какъ видно всегда, Султаномъ. Угроза сія, соединенная съ видомъ, могущимъ навести страхъ, по неволѣ заикаться принуждающій, не очень была свойственна ободрить бѣднаго Данишеменда. Но по щастію онъ

зналъ

зналъ Султана своего Государя. И такъ онъ продолжалъ безъ всякой робости: Философія, Ваше Величество, безстыдница, какъ благоволили вы сказать; ибо она не запинается никогда хулить Государей, когда они неправы. Но въ настоящемъ случаѣ я думаю съ почтеніемъ, что Ваше Высочество и Философія могли оба имѣть причину. Похвала Бонзъ, которая въ очахъ Вашего Величества есть великая хула, какую на себя могъ навлечь Огулъ, была безспорно похвала, естьли она отъ искренности происходила (*). Это то-

(*) Надобно сдѣлать здѣсь три примѣчанія въ угодность нѣкоторымъ остроумнымъ головамъ, а именно 1.) что слова Бонзъ, Факиръ и Дервишъ, сколь часто ни случаются въ сей исторіи, должны быть приняты въ самомъ тонкомъ ихъ знамѣнованіи; и далѣе кромѣ Бонзъ, Факировъ и Дервишей ничего не значатъ. 2.) Что Данишемендъ не исключается отъ подозрѣнія льстивой благоугодности несправедливому разсуж-

точно вопросъ, или лучше никакого; ибо какъ могла она происходить отъ чистосердечія, когда они все до-

суждению своего Государя. 3.) Что доказательство Султана по видимому основывается на обманчиворѣчіи, и что оно не касается никакъ до Бонзовъ, коихъ мы впрочемъ никакъ не намѣрены защищать.

Примѣчаніе Латинскаго Переподчика.

Однако разсудя обо всемъ подробно, не можно было требовать отъ Султана инаго заключенія. Вотъ какъ онъ умствовалъ: мои Бонзы говорятъ худо обо мнѣ, а я дѣлаю себѣ честь изъ ихъ поношенія: и такъ ихъ похвала безславна; ибо, ежели бы она была славна, то мнѣ бы было совѣстно оную заслуживать. Но это такая мысль, которыя я не могу терпѣть, и такъ она ложна, а что я сказалъ о себѣ, можно примѣнить къ Огул-Хану, ибо, не оказываю ли я ему знатной чести, какая только возможна, когда я его уподобляю себѣ? . . .

Сей родъ умозаключенія не сообразуется съ истинною логики ни Аристо-

доброе о немъ ими говоренное, однимъ но отнимали обратно? Къ чему послужили доброму Государю Огулу всѣ его добродѣтели? не отшелъ ли онъ изъ свѣта безъ жертвоприношенія большой обезьянѣ? Ваше Высочество, знаете довольно сихъ Господъ, то какъ не разсмотрѣть силу выраженія такого попреканія.

Однако ты соглашаешься, отвѣчалъ Султанъ, что они его возвеличили бы до небесъ, естьли бы онъ вознамѣрился принести большой обезьянѣ жертву. Съ позволенія Вашего Высочества, сказалъ Данишемендъ, я въ этомъ не признаюсь. Въ семъ случаѣ они бы могли найти легко другую причину послабить свою лицемѣрную похвалу. Извѣстно Вашему Высочеству, что одно только есть средство къ достиженію со-

стотеля ни Господъ Портъ - Рояль. Но съ самаго обращенія нашего шара около своей оси самолюбіе никогда иначе не умствовало.

Примѣчаніе Нѣмецкаго Переводчика.

согласія Бонзъ, а Огулъ (со всемъ должнымъ ему отъ меня почтеніемъ) не кажется мнѣ быть столько честолюбивымъ, *чтобы купить такой топаръ за тахую дорогую цѣну.*

Но ежели я прикажу позвать Имана для рѣшенія вопроса? сказалъ Султанъ.

Не трудно угадать его отвѣтъ, не употребляя въ помощь Кабалистику, примолвилъ Данишемендъ; онъ бы заговорилъ *противу Бонзъ*; ибо какое бы могли имѣть преимущество Бонзы предъ Иманомъ?

Я думаю, сказалъ Шах-Жебалъ, что Данишемендъ вышелъ изъ заблужденія и смятенія.

Отвращеніе, оказываемое вашимъ Высочествомъ къ Бонзамъ, доказываетъ, что вы добрый Музульманъ, сказала прекрасная Нурмагаль. Но, чтобы остаться вѣрною исторіи, то должно мнѣ сказать, что Бонзы выхвалять Огул-Хана имѣли довольныя причины. Это правда, что сей Государь обманывалъ пустую надежду,

дежду, которую они основывали на томЪ, что по разуму не могло быть такой надеждѢ основаніемЪ „ Поелику сіе было единственно плодомЪ „ мудрыхЪ законовЪ правленія „. Но вниманіе, которое онЪ послѢдуя симЪ положеніямЪ, оказывалЪ ихЪ чину, покровительство", которымЪ они наслаждались отЪ него; и осторожность, сЪ каковою онЪ вЪ всемЪ касательномЪ до безразсуднаго, но введеннаго служенія большой обезьянѢ поступалЪ, влекли ихЪ конечно, естьли не кЪ признательности, то по крайней мѢрѢ кЪ нѢкоторой степени вЪ немЪ справедливости. Но положимЪ, что имЪ бы не охотно безЪ опыта приписалась сія добродѢтель: однако можно думать, что они довольно имѢли благоразумія, дѢлать то изЪ подобострастія, что прочіе сдѢлали бы изЪ благороднѢйшей побудительной причины.

Во время сего разглагольствія прекрасныя Нурмагали изпустилЪ СултанЪ такой тонЪ, который былЪ средо-

средоточіемъ вздоха и позевоты. Эмиръ далъ сей госпожѣ положенный знакъ, и она намѣрялась пресѣчь чтеніе, какъ Шах-Жебалъ, бывши тогда веселъ, далъ знать, что онъ еще повѣствованіемъ ея не скучаетъ.

Огул-Ханъ, продолжала она, имѣлъ нѣкоторыхъ послѣдователей, которые выходили на театръ и обратно изчезали, не сдѣлавъ никакого добра и никакого зла, чтобы заслужить вниманіе у потомства. За то именовали ихъ въ лѣтописяхъ Шешіанскихъ *безымянные Цари*; ибо народъ столь мало находилъ случая слышать ихъ имена, что большая часть онаго съ трудомъ могла сказать, какъ назывался царствующій Султанъ. Хотя сіе обстоятельство подать можетъ потомству весьма умѣренное понятіе о заслугахъ сихъ Государей, однако должно признаться, что ихъ современники уповательно ни чѣмъ были не хуже. По меньшой мѣрѣ молчаніе

кіе исторіи кажется доказываетъ, что царство Шешіанское было не безсчастно при ихъ неславномъ правленіи; а незлосчастнымъ быть, есть по крайней мѣрѣ *весьма сносное состояніе* . . . .

Такое положеніе не можетъ долго продолжаться, сказалъ Данишемендъ; ибо сіе сносное состояніе кажется мнѣ быть въ разсужденіи всего народа, то же самое, что въ единомъ человѣкѣ среднее состояніе между болѣзнію и здоровьемъ; а въ семъ состояніи изъ двухъ вещей должно сбыться одной: или отъ болѣзни излѣчиться, или умереть. Можетъ быть таковая бы участь была Шешіановъ, продолжала Нурмагаль, естьли бы послѣдній изъ сихъ безымянныхъ Государей не имѣлъ счастія обладать такою любовницею, чрезъ которую царствованіе учинилось достопамятнѣйшимъ и славнѣйшимъ въ исторіи сего государства.

Чудно! вскричалъ Шах-Жебалъ; я люблю тѣхъ Государей, кои обязаны

заны признательностію своимъ любовницамъ за воспоминаніе, чинимое о нихъ исторіею!

Я не должна забыть, Ваше Величество, сказала прекрасная Нурмагаль. что Шешіанцы въ семъ случаѣ имѣютъ совсѣмъ, сколько я знаю, отмѣнное обыкновеніе отъ прочихъ народовъ земнаго шара; и сей обычай, естьли бы принятъ былъ повсюду, то знатно увеличилъ бы число Царей безымянныхъ. Не позволялось приписывать Государю ничего приключившагося въ его царствованіе, а особливо когда онъ не самъ то дѣлалъ. Могли издаваться превосходные законы, и можно было вымышлять полезныя предпріятія, выигрывать баталіи, завоевывать провинціи, или (что столько же полезно) оныя сохранять и возобновлять, такъ что царская слава ни малѣйшаго чрезъ то приращенія не обрѣтала. Случившееся добро или худо приписывалось оное содѣлавшему; а Государь неучинившій ничего былъ

и оставался безымянный Государь, хотя бы во время его царствованія и случились наизнатнѣйшія въ его государствѣ дѣла.

Ничто не можетъ быть правосуднѣе, сказалъ Султанъ, надлежитъ всякому отдавать должное. Приписывать Государю добро, которое его Министры дѣлаютъ (я предполагаю, что они суть единственно орудія, или такъ сказать органы, чрезъ которые онъ, яко душа всего тѣла государства, дѣйствуетъ), было бы столько же смѣшно, какъ бы ему приписывать въ заслугу плодородіе его земель, будто бы онъ могъ повелѣвать сіять солнцу и дождить облакамъ.

Нурмагаль, Данишемендъ и молодый Мирца произнесли въ честь сему примѣчанію множество похвальныхъ восклицаній. Они удивлялись оному, и справедливо, тѣмъ паче, что оно дѣйствительно происходило не отъ истинны, и что оное не осно-

вывалось на какомъ нибудь пристрастіи.

Добрый Государь Шешіанскій, продолжала Нурмагаль въ своемъ повѣствованіи, подавшемъ случай великому Монарху сдѣлать столь достойное примѣчаніе, заслуживаетъ по крайней мѣрѣ, какъ бы онъ ни назывался, быть *похваленъ за свой хорошій вкусъ въ избраніи своихъ любимцевъ.* Прекрасная Лили, его любимица, была собраніе всего, могущаго учинить особу нашего пола любви достойною. Когда самые стихотворцы, живописцы, изваятели, и дѣлатели медалей ея современники ей ласкали, то не можно отрицать, чтобъ государство не имѣло причины благословлять ея память. Никогда не бывало усерднѣйшей покровительницы художествъ кромѣ велелѣпой Лили. Она ввела въ Шешіанъ шелковичныя деревья, и привлекала множество Персидскихъ, Китайскихъ и Индѣйскихъ художниковъ, которые чрезъ ея споспѣшествованіе основали

вся-

всякаго рода рукодѣлія. Шешіанцы научились подъ *ея правленіемъ* (сій суть собственныя выраженія исторіописателя) узнавать спокойствіе жизни и роскоши, о которыхъ большая часть никакого еще не имѣла понятія. Они почитали себя ей обязанными за наслажденіе новаго и безконечно пріятнѣйшаго существованія. Она привела въ оживотворительное обращеніе сокровища, кои въ казнохранительницахъ предыдущихъ Царей лежали погребенными, подобно тѣламъ подданныхъ Фараона въ ихъ пирамидахъ. Вельможи и богатые слѣдовали ея примѣру. Столица соображалась съ дворомъ, а провинціальные города подражали столицѣ. Изобрѣтеніе и стараніе силились на перерывъ привести все государство, какъ въ живую, такъ и полезную дѣйствительность; поелику изобрѣтеніе и прилѣжаніе было необходимо прямымъ путемъ къ изобилію и спокойствію: и кто не хочетъ жить столь пріятно,

сколько возможно? Благотворительная Лили познакомила также жителей Шешіана съ прелестями музыки и зрѣлищъ; и хотя всѣ сіи дары содѣлались въ послѣдованіи опасными ихъ благосостоянію: однако сіе неоспоримо, что они съ начала произвели весьма хорошее дѣйствіе. Какъ *чувствованіе* Шешіанцовъ *понежнѣло*, то и *нравы ихъ* примѣтно *поправились*. Они сдѣлались обходительнѣе, кротчѣе, и больше узнали людкость, были гораздо благосклоннѣе, научилисъ купно ликовствовать, и чувствовали себя тѣмъ благополучнѣе, чѣмъ болѣе было число щастливыхъ, коихъ зрѣли окрестъ себя, и такъ далѣе. Ибо безполезно бы было объяснять хорошія дѣйствія, произведенныя вкусомъ и науками, такому Государю, который самъ просвѣщенный знатокъ и надѣжный покровитель всѣхъ разумныхъ мужей. Правда, въ людяхъ черножелчныхъ всегдашнихъ непріятелей веселія, новости сіи возбудили плачевное него-

дованіе. Какое отвратительное дѣйствіе! кричали они, оглаживая съ видомъ худаго предзнаменованія свои нечесаныя головы. Какіе отъ сего могутъ быть плоды? Сія любовь къ веселостямъ и забавамъ, сей тонкій вкусъ, сія господствующая склонность къ чувствености раззорятъ государство до основанія. Роскошные праздники поглотятъ мзду работныхъ дней, а чрезмѣрныя иждивенія изтощатъ избытокъ бережливой умѣренности; сластолюбіе привлечетъ праздность, а за нею послѣдуетъ все пагубное скопище пороковъ. *Богатые* содѣлаются *ненасытимыми*, и при всей живости ихъ чувствованій, ни мало не усрамятся, сколь только возможно, собирать въ свои сундуки имущество *бѣдныхъ*; *а сіи не стыдятся ни мало дѣлать и сносить все*, сколько бы неправедно и постыдно ни было, когда оно только можетъ доставить средство къ достиженію завиднаго состоянія богатыхъ. Жестокіе пороки, чуд-

ныя заблужденія, вѣроломство, ядовмѣшеніе и отцеубійство потеряютъ наконецъ чрезъ привычку отвращеніе, которое они внушаютъ человѣчеству, хранящему свою невинность; и не прежде, какъ ужѐ государство невозвратно погибнетъ, узрятъ, что прекрасная Лили была очаровательною виною нашего злосчастія. А нѣкоторые пожившіе въ теченіи дней своихъ отъ шестидесяти до семидесяти лѣтъ довольно разумно, чтобы въ старости не отрѣчься еще отъ всего участія веселостей въ жизни, взирали на сіе совсѣмъ другою точкою зрѣнія. *Наши нелюдимы и обезсилѣвшіе собратіи не совсѣмъ неправы*, говорили они; роскоши и увеселенія суть приправа жизни, но отъ чрезмѣрнаго употребленія не могутъ принести другой пользы, кромѣ вреда. Природа опредѣлила ихъ *для награжденія трудовъ, а не для утѣшенія праздности.* Также должно согласиться, что *не прекрасная Лили, но сама природа*, яко волшебни-

бница, предлагаетъ намъ сей божественный нектаръ, пріуготовленный ею для насъ собственными ея руками, котораго нѣсколькихъ капель довольно привести у насъ въ забвеніе всѣ бѣдности жизни. Но природа ли это, которая обнажаетъ человѣка постепенно? Нужда заставляетъ играть силу воображенія, а оная воспламѣняетъ страсти, умножающія людкость; сіе живое чувствіе, сіе возвышеніе чувственныхъ и дѣйствующихъ силъ, чрезъ которыя кругъ нашихъ увеселеній распространяется, а способность наслаждаться нашимъ бытіемъ купно съ нашими желаніями умножается. И такъ послѣдуемъ природѣ, путеводительницѣ, которая не можетъ насъ обмануть. Не она, но наша нетерпѣливость, наша жадность въ наслажденіи, наше презрѣніе къ ея увѣщаніямъ совращаютъ насъ съ праваго пути. *Челопѣкъ перемѣняетъ родъ жизни, по мѣрѣ прехожденія его пъ другое пышшее состояніе*; и по сему, по

 елику

елику о большей части смертныхЪ разсуждать должно яко о дѣтяхЪ несмыслящихЪ управлять самими собою, должны они оставить сіе попеченіе законодательной власти, долженствующей обозрѣвать *цѣлое*, и предписывать своимЪ подчиненнымЪ при каждой знатной перемѣнѣ ихЪ обстоятельствЪ пра́вила разумнаго повѣденія. Живи прекрасная Лили! она снискала безсмертныя права̀ на нашу благодарность, ибо она содѣлала намЪ добро. Но есть ли бы ей угодно было дать также намЪ столь совершенное благоучрежденіе, вЪ какомЪ мы всегда имѣемЪ необходимость, и когда бы ея дары не послужили намЪ во вредЪ . . . Тогда бы и она такЪ же заслужила, какЪ и большая обезьяна, чтобы ей воздвигнули *пагоды*. (*)

Пре-

(*) Погодами называютЪ Португальцы мечети или молитвенные храмы у ИндѣйцовЪ, и фарфоровые или порцелинные идолы и куклы у КитайцовЪ.

Прекрасная *Лили* продолжала итти по усланному цвѣтами пути, по которому вела ее сила ея сластолюбиваго воображенія, не безпокояся о угроженіяхъ одного, ни о предостереженіяхъ другаго. Она наслаждалась удовольствіемъ быть предметомъ любви и высокопочитанія всего государства. Окружена будучи веселостями и любовію, изливала по всюду, сколь далеко досязали ея взоры, сладкое забвеніе всѣхъ попеченій, возторженіе и радость. Тогда чаяла она, что достигла до вершины блаженства. Но ея благотвореніе имѣло только предметомъ *настоящую минуту*. Образъ ея размышленія сообщился нечувствительно всему государству тѣмъ удобнѣе, что нѣтъ ничего другаго естественнѣе для человѣка. Всѣ наслаждались жизнію, *и никто не помышлялъ о будущемъ*.

Я люблю сію *Лили*, вскричалъ Султанъ, въ восхищеніи, какого въ немъ давно ужѐ не видно было. Мнѣ

надобно съ нею больше познакомиться. Добрая ночь Мирца и Данишемендъ; Нурмагалъ останется здѣсь и сдѣлаетъ портретъ прекрасныя Лили.

III.

беспорно былъ здравый разумъ въ защитительной рѣчи, говоренной стариками увеселенію и прекрасной Лили,..... сказалъ Султанъ по собраніи обыкновеннаго сообщества слѣдующаго вечера въ его спальнѣ. Но я признаюсь, что я не довольно понимаю, что они хотятъ сказать чрезъ *свой образъ жизни*, или какое должно быть благоучрежденіе, чрезъ которое можно отклонить всякое зло, коимъ намъ пасмурные нравоучители столь страшно угрожали. Сіе мнѣніе занимаетъ все мое сердце. Я думаю, что я дѣлалъ все возможное для благополучія моего народа; но мнѣ прискорбно будетъ,

еже-

ежели я, противу моего благаго намѣренія, сдѣлалъ имъ опасной подарокъ.

Ваше Величество могли бы отъ сего безпокойства поберечься, сказалъ Данишемендъ самъ про себя.

Какъ? Господинъ Данишемендъ, продолжалъ Султанъ, ни о чемъ не льзя философствовать! естьли бы твоя премудрость понудилась объяснить намъ сіе дѣло?

В. В. отвѣчалъ Данишемендъ, премудрость моя въ повелѣніяхъ Вашего Величества; но прежде прошу всепокорнѣйше позволить сказать вамъ маленькую исторію.

Шах-Жабелъ на то согласился, и Философъ началъ такъ:

Во времена Калифа Гарун-Аль-Рашида...

И! Господинъ Докторъ, перервалъ его Султанъ; этотъ зачинъ подозрителенъ. Какъ скоро услышишъ названіе сихъ Калифовъ, то тотчасъ должно ожидать волшебницъ, и превращеній или изрядныхъ повѣстей о горбунчикахъ, болтливыхъ

выхъ брадобрѣяхъ, и распустныхъ царскихъ дѣткахъ, которые для увѣнчанія содѣланныхъ глупостей достойнымъ концемъ; *обрипають себѣ ресницы и дѣлаются Календерами.*

Я отвѣчаю Вашему Высочеству моими бровями, сказалъ Данишемендъ, что не предсшавятся въ моемъ повѣствованіи ни горбатые, ни календеры, а что все такъ естественно въ ономъ пойдетъ, какъ только желать можно.

И такъ во времена рѣченнаго Калифа случилось, что одинъ богатый Иэменскій Эмиръ на своемъ возвратномъ пути изъ Дамаска имѣлъ несчастіе, что на него въ горахъ каменистыя Аравіи напали разбойники, которые не устыдились порубить всю его свиту, и овладѣвъ прекрасными женщинами, коихъ онъ изъ тщеславія съ собою возилъ, и всѣми драгоцѣнностями при немъ бывшими, возвратились обратно въ горы столько же поспѣшно, какъ и пришли.

По

По счастію Эмиръ при самомъ началѣ бою упалъ въ обморокъ; таковое обстоятельство, столько въ нихъ подѣйствовало, что они и тѣмъ были довольны, что сняли съ него богатое его платье, а его оставили между побитыми, не безпокоясь о томъ, дѣйствительно ли онъ мертвъ.

Господинъ Данишемендъ, сказалъ Султанъ, не объ разсказахъ а о дѣлѣ говорить прошу. Тонъ, которымъ ты началъ, есть точно тонъ моея добрыя старушки, любезныя бабушки, которая, какъ извѣстно, имѣла свои причины разпространять столь немилостиво свои коротенькія сказочки.

И такъ чтобы не задержать Ваше Величество излишними обстоятельствами, продолжалъ Данишемендъ, то Добрый Эмиръ образумяся, дѣлалъ непріятныя разсужденія, находяся на дикихъ неизвѣстныхъ горахъ, безъ палатки, безъ съѣстныхъ припасовъ, безъ женщинъ и евнуховъ, безъ поварни, а при томъ

и безъ одежды: тотъ, который отъ самой первой минуты своея жизни, кою онъ могъ умомъ своимъ пролетѣть, всегда наслаждался всѣми постижимыми выгодами. Для лучшаго уразумѣнія сея Исторіи существенно есть, чтобы Ваше Величество живо представили состояніе Эмира, то я долженъ принять смѣлость просить васъ, заступить на время его мѣсто, и вообразить, чтобы вы изволили предпріять въ толь отчаянномъ положеніи.

Господинъ Данишемендъ, сказалъ Султанъ весьма сухо, я желаю поберечь себя отъ сего труда; но хочу знать, чтобы ты разсказалъ самъ, въ какомъ бы состояніи находился тотъ разскащикъ, которому бы я приказалъ дать три ста ударовъ палкою по подошвамъ за принятый трудъ, навести на меня позевоту.

Сіе излишество Султанской веселости показалось прекрасной Нурмагалѣ толико несправедливымъ, что

она

она просила Султана, не пугать бѣднаго Доктора угрозами, которыя удобны у хорошаго повѣствователя въ свѣтѣ отнять смѣлость. Но какъ сказано ужѐ, то Данишеменда не столь удобно было вывести изъ своего положенія. Единая милость, которую я прошу у Вашего Величества, сказалъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы не влѣпливать мнѣ прежде окончанія моея повѣсти, обѣщанныхъ трехъ сотъ ударовъ палкою; ибо по истиннѣ: она не такъ дурна, какъ начало кажется, возвѣщаетъ.

Въ добрый часъ, сказалъ Султанъ усмѣхнувшись; разсказывай какъ знаешъ, я обѣщаюсь впредь тебя больше на перерывать.

Данишемендъ вставши растянулся предъ Султаномъ по полу, и поцѣловалъ кромку его простыни, въ засвидѣтельствованіе своея признательности за сіе милостивое обѣщаніе; по томъ продолжалъ свою повѣсть слѣдующимъ образомъ:

Ко-

Конецъ всѣхъ Эмировыхъ разсужденій (смутныхъ и непріятныхъ, кои осмѣлился я предложить Вашему Величеству) былъ такой, что надлежало ему рѣшиться на такое дѣло, которое съ непривычки показалось ему весьма мучительно: именно ноги свои привести въ движеніе, и искать пути для выходу изъ сей пустой удоли. Солнце склонялось уже къ захожденію и готовилось оставить наше полукружіе, какъ наконецъ достигъ онъ съ невѣроятнымъ трудомъ такого мѣста, гдѣ отверзлись горы, и открылась взору его такая долина, которыя самое его воображеніе не могло бы прелестнѣе ему представить. Узрѣніе нѣсколькихъ благоустроенныхъ жилищъ между зеленѣющимися древами возвышающихся, ободрили его и собрали въ немъ остатки изтощенныхъ силъ для достиженія оныхъ до захожденія солнца. Пройденный имъ путь въ разсужденіи предлежащаго не былъ далѣе того, которой младый поселяникъ

еже-

ежедневно поутру и ввечеру безъ роптанія предпринимаетъ для облобызанія своея возлюбленныя; но для ослабѣвшихъ членовъ Эмировыхъ казалось сіе страшнымъ подвигомъ. Онъ такъ часто отдыхалъ для собранія своихъ силъ, что наступила ужѐ ночь, прежде нежели онъ достигъ до перваго жилища, подобящагося полевому дворцу, состроенному единственно только изъ зелености. Пріятный звукъ пѣсней и инструментовъ смѣшенный съ другими знаками веселостей, въ ушахъ его издали отзывающейся умножилъ его удивленіе, въ которомъ онъ находился, обрѣсть таковые предметы въ наипустѣйшихъ вертепахъ. Но *какъ онъ ничего кромѣ любопытныхъ сказокъ не читывалъ*, то первое его мнѣніе было, что все имъ видѣнное и слышанное могло быть дѣйствіемъ обволхвованія. Однако чувствованіе его бѣдности преодолѣло наконецъ сіе разсужденіе его обезпокоивающее. Онъ постучался у воротъ, и разго-

варивая съ слугою вышедшимъ къ нему съ отвѣтомъ, просилъ о ночлегѣ съ такимъ чуднымъ смѣшенiемъ гордости и уничиженiя, кои видны были во всѣхъ его разговорахъ, что уповательно навлекло бы оно ему отказъ, естьли бы у жителей сея страны гостепрiимство не было освященнымъ закономъ. Эмиръ провожденъ былъ со всѣми знаками дружества въ небольшую залу, въ которой просили его сѣсть на простую, но весьма мягкую софу. Чрезъ нѣсколько минутъ появились два пригожiе молодые невольника, для препровожденiя его въ баню, гдѣ онъ помощiю ихъ омытъ, окуренъ, и одѣтъ былъ въ простое, но чистое платье изъ самой тонкой матерiи, сдѣланное изъ хлопчатой бумаги, и вышитое шелковыми цвѣтами. А что бы время казалось ему не такъ долго, то для прогнанiя онаго вошла къ нему наипрелестнѣйшая невольница, каковыя въ его сералѣ никогда не бывало, съ ѳеорбою въ ру-

рукахъ, сѣла противу его, и запѣла пѣсню, коея содержаніе выражало радость, какую они имѣютъ о прибытіи толико пріятнаго гостя. Эмиръ вѣдалъ всегда меньше о томъ, что ему надлежало помышлять о приключившемся; но видъ и голосъ прекрасныя невольницы не дали ему времени притти въ самого себя (хотя онъ думалъ почесть ее за Пери или за Гурису райскую). И то и другое, съ дружественнымъ принятіемъ ему учиненнымъ, подѣйствовали столько на его чувства, что онъ непримѣтно забылъ всѣ причины печалиться, и всѣ понесенныя безпокойства, и привлеченъ будучи непонятною и нечувствительною силою, отдался всему тому, что бы изъ него не захотѣли дѣлать.

Естьли сіе было премудрѣйшее вознамѣреніе, которое онъ въ своихъ обстоятельствахъ могъ предпріять, то должно также признаться, что онъ находился въ сіе время въ нарочитомъ состояніи. Лишь только

онъ одѣлся, то появился опять пріявшій его прежде, и далъ ему знакъ, не говоря ни слова, слѣдовать за собою. Эмиръ вошелъ въ огромную восковыми свѣчами освѣщаемую залу, изъ которыя при отвореніи дверей облагоухало пріятнымъ запахомъ свѣжихъ лилей, жасмина и померанцовыхъ цвѣтовъ. Премножество маленькихъ столиковъ, около которыхъ кругомъ стояли прекрасныя софы, покрытыя тонкимъ бѣлѣе снѣгу полотномъ, шитымъ самою высокою работою. Средина залы наполнена была юными и старыми обоего пола особами, которыя приняли его съ разпростертыми объятіями, и кои всѣ вкупѣ благородною красотою своея сановитости и образованія, и разливающимся по ихъ поступкамъ выраженіемъ ласковости и радованія, погрузили его въ наипріятнѣйшее восхищеніе. Въ одномъ углу залы билъ прекрасный источникъ, у котораго на каменистомъ жасминомъ поросшемъ брегу лежала на моху нимфа,

фа, изливающая изЪ своеко сосуда прозрачную воду вЪ умывальникЪ чернаго мрамора. Вся зала украшена была цвѣточными вѣнками, орошаемыми свѣжею водою отЪ времени до времени юными дѣвицами. Все сіе взято будучи вмѣстѣ составляло весьма пріятный видЪ; но сіе еще не то самое, что представилось взору его вЪ семЪ очарованномЪ мѣстѣ прекраснѣйшимЪ. *Достопочтенный старецЪ покрытый сѣдиною* сидѣлЪ вЪ первомЪ мѣстѣ софы, вЪ положеніи, изЪявляющемЪ полное и пріятное послѣ труда спокойствіе; старикЪ, какого добрый ЭмирЪ никогда еще не видывалЪ и почиталЪ за невозможное, что бы такой могЪ когда нибудь существовать. Бодрость духа блистала еще вЪ его оживворяющихЪ очахЪ; восемдесятЪ лѣтЪ благополучныя жизни на открытомЪ и веселомЪ его челѣ проложили только слабыя черты, и румяный цвѣтЪ здоровья, подобно поздной осенней розѣ, игралЪ еще на его улыба-

 ба-

бающихся щекахъ. Вотъ нашъ отецъ, говорили нѣкоторыя молодыя особы, окружившія Эмира и приведшія его за руку предъ старика.

Сей послѣдній никакъ не привсталъ, и не сдѣлалъ никакого движенія, яко бы онъ хотѣлъ оное учинить; но подалъ ему только руку и пожалъ Эмирову съ такою силою, которая его привела въ удивленіе, свидѣтельствуя ему чрезъ то радость, которую онъ ощущаетъ имѣя его у себя въ домѣ. Сочинитель прибавляетъ, что по человѣколюбивомъ принятіи первое старика воззрѣніе на Эмира являло въ себѣ нѣчто такое, что овладѣло чужестранцомъ, и онъ не могъ изъяснить, въ немъ происходившаго. Старикъ указалъ ему сѣсть по сторону возлѣ себя. . . .

Я обѣщался тебя не прерывать, Данишемендъ, сказалъ Султанъ; но я бы желалъ знать, что бы взоръ старика показывалъ въ себѣ та-

такое, что бы могло произвесть въ Эмирѣ столь особенное дѣйствіе?

Всемилостивѣйшій Государь, отвѣчалъ Данишемендъ, я долженъ Вашему Величеству признаться, что я извлекъ сію повѣсть изъ новѣйшаго Греческаго стихотворца, который уповательно по примѣру своихъ сверстниковъ нѣчто прибавилъ къ истиннѣ отъ себя, для учиненія своея картины пріятнѣйшею. Это было ничто иное, какъ дружественный взоръ, сказалъ онъ, но съ нѣкоторымъ дополненіемъ чего нибудь такого, что означало ни презрѣніе, ни сострадание, но пріятное обоего смѣшеніе. Оный взоръ, продолжалъ онъ, былъ тотъ взоръ, *съ какимъ любитель художествъ разсуждаетъ о испорченныхъ истуканахъ Праксителя*, смѣшенный съ нѣкоторою разгнѣванною досадою, съ которою сей любитель *позэрѣлъ бы на Гота, ихъ обломавшаго*?

Изображеніе сіе тонко, и подаетъ довольныя мысли, сказала Нур-

магаль. Продолжай Данишеменд, сказал Султан.

Между тем поставили вечернее кушанье, при коем Эмир сделал новый опыт, который ему, хотя он мало прiобык размышлять, показался наинепонятнейшею в свете вещiю. Но прежде изъяснения о сем, нахожу я себя принужденным сделать небольшое отступленiе, чтобы подать понятiе о свойстве сего Эмира, представляющаго в сей повести первую ролю, хотя в самом деле он только зритель. Он был с своея юности то, что называют *совершенным сластолюбцем*, один из тех людей, которые думали, что цель их бытiя ни в чем ином состоит, как есть, пить и веселиться с женщинами, и которые, для прохлажденiя себя от сих мучительных трудов посвящают почти половину дня и ночи на отдохновенiе, чтобы вдаться обратно помянутому упражненiю. С сею гру-

бою чувственностію соединялъ онъ нѣкоторую гордость, способную ускорить опасныя оныя дѣйствія. Онъ старался имѣть пригожихъ женщинъ, лучшія вина и искуснѣйшихъ во всей Асіи поваровъ. Но сего еще не довольно было для испорченныхъ его желаній; но онъ ревновалъ прослыть великимъ ѣдокомъ, знатнымъ питухомъ, и славнымъ героемъ въ другомъ родѣ упражненія, въ которомъ онъ съ досадою воробья и крота долженъ былъ признать за своихъ учителей. Когда человѣкъ имѣетъ несчастіе обладать всѣми средствами къ удовлетворенію толикаго честолюбія, то онъ скоро принужденъ бываетъ прибѣгнуть къ порошкамъ опіа, къ горячимъ напиткамъ и другимъ сильнымъ средствамъ. Природа не преминетъ никогда отмстить за причиненныя ей оскорбленія, и она обыкновенно тѣмъ жесточае бываетъ въ своемъ отмщеніи, чѣмъ менѣе ея благотвореніе оставило намъ при-

чинъ къ оправданію нашихъ невоздержаній. Эмиръ, рожденный съ чистѣйшею кровію и крѣпкимъ сложеніемъ нашелъ себя на тритцатомъ году приведеннымъ къ сему бѣдному состоянію, срединѣ между жизнію и смертію, терзаемъ напоминаніями, долженствующими оживотворить его удовольствіе, и осужденъ къ невозможному покушенію для умилостивленія раздраженныя природы таинствами искуства, которымъ однимъ обязанъ былъ благодарностію за продолженіе своего существованія. Сіи искусные повара, предъ коими онъ столько кичился, употребляли всѣ свои силы разрушить его здоровье и уничтожить орудія его чувствованія. По мѣрѣ приращенія трудности возбудить тупой его вкусъ, они усугубляли опасную свою ревность для побѣжденія его силою своего искуства. Но ихъ изобрѣтенія заставляли его всегда платить долговременными болѣзнями за художественное увеселеніе нѣсколькихъ минутъ.

Эмиръ нашъ ужаснулся, что нашелъ при столѣ стараго сего хозяина аппетитъ, котораго онъ безполезно искалъ нѣсколько лѣтъ. Двѣ купно странныя для него вещи много въ семъ споспѣшествовали; воздержаніе отъ яствы чрезъ цѣлые сутки, и сильное движеніе имъ сдѣланное. Онъ думалъ, что онъ сидѣлъ за столомъ съ любимцами пророка. Не множество рѣдкихъ кушаньевъ и не искуснѣйшее оныхъ пріуготовленіе произвело въ немъ сіе дѣйствіе; поелику тутъ не было ничего излишняго, но единственно то, что могло удовлетворить необходимости; искуство въ пріуготовленіи ничего не употребило кромѣ того, что потребно было для удовольствованія *неиспорченнаго вкуса*, безъ нарушенія здоровья. Это правда, что наблюдалось при томъ нѣкоторое искуство, которое по причинѣ своея простоты оставалось ученымъ Эмировымъ поварамъ или несвѣдомымъ, или требовало нѣкотораго вниманія,

ко-

коему сіи важные люди никакъ не хотѣли подвергнуться. Вообще, естественная доброта кушаньевъ и пріуготовленіе, которому Авиценна самъ не нашелъ бы ничего такого, что бы противу положить можно было, отличали сей столъ отъ Княжескихъ, обремененныхъ рѣдкими и драгоцѣнными вещьми, но отравленными ядомъ. Эмиръ долженъ былъ признаться, что вино, можетъ быть не моложе было хозяина, а плоды поставленные по окончаніи яствы были столь превосходны, сколь природа могла произвести подъ благополучнѣйшимъ климатомъ.

Все сіе не очарованіе ли, говорилъ ежеминутно Эмиръ самъ въ себѣ? Кто сей старецъ, который при бѣлой брадѣ сохраняетъ столь свѣжей цвѣтъ, и кушаетъ и пьетъ съ такимъ аппетитомъ, яко бы онъ теперь только началъ жить? Онъ употреблялъ всевозможное стараніе воздержаться отъ удивленія; но пріятные разговоры, къ коимъ

всякой кромѢ его прибавлялЪ свое, соединенные сЪ непринужденнымЪ и плѢняющимЪ видомЪ, сЪ каковымЪ сЪ нимЪ поступали, ввергали его вЪ невозможность привесть разсѢянныя свои мысли вЪ нѢкоторый порядокЪ.

ОтвѢдайте сего ананаса, сказалЪ ему старикЪ, подавши ему одинЪ наисовершеннѢйшій сего рода плодЪ, какого онЪ никогда не видывалЪ. ЭмирЪ отвѢдалЪ и не нашелЪ довольно словЪ для похваленія хорошаго его вкуса и благоуханія. Я его возрастилЪ собственною рукою сказалЪ старикЪ. Со времени, какЪ старость моя не позволяетЪ мнѢ болѢе вспомоществовать сынамЪ моимЪ и моимЪ внучатамЪ вЪ отправленіи земледѢлія, то я упражняюсь вЪ садовничествѢ, которое доставляетЪ мнѢ степенЪ движенія и работы для меня необходимыя, для наслажденія здоровьемЪ, вЪ коемЪ вы меня видите, а свѢжей воздухЪ, смѢшенный сЪ чистѢйшимЪ испареніемЪ цвѢтовЪ не мало, упо-

уповаю, къ тому споспѣшествуетъ. Эмиръ не зналъ, что на сіе отвѣчать: но я бы хотѣлъ знать, какой онъ имѣлъ видъ лица предъ старикомъ. Сей послѣдній пилъ обыкновенно свѣжую воду, а послѣ кушанья по три маленькія рюмки вина; первая, говорилъ онъ осклабляясь, вспомоществуетъ старому моему желудку въ свареніи, другая возбуждаетъ жизненные мои духи, а третія ихъ обратно усыпляетъ. Эмиръ, который не могъ пить воды, хотя бы она была изъ *источника юности*, сдѣлалъ честь вину своего хозяина. Рюмки такъ одна за другою послѣдовали, что онъ наконецъ потерялъ способность различить, *былъ ли онъ дѣйствительно столько бодръ, какъ самъ старикъ, или только чувствовалъ, или воображалъ быть себя такимъ.*

Послѣ ужина удалился тотчасъ мужъ покрытый серебреною сѣдиною, а чрезъ минуту послѣ сказалъ одинъ изъ его сыновей: мы обыкновенно

венно всякой вечерЪ препровождаемЪ по полу часу вЪ спальнѢ нашего батюшки, прежде нежели онЪ заснетЪ. Гость не почитается у насЪ за чужаго; не изволите ли умножить нашу бѢседу? ЭмирЪ на сіе согласился, а чтобЪ показаться учтивымЪ, то онЪ просилЪ сдѢлать ему честь, позволить подать слабую свою руку старшей изЪ женщинЪ.

Растворилась горница, уподобляющаяся храму Морѳея. Премножество горшковЪ сЪ цвѢтами прелестнѢйшаго вида изпаряли наипріятнѢйшій запахЪ; и разные восковые свѢтильники, сокрытые позади зеленыхЪ и розовыхЪ простенковЪ, изображали родЪ сумерекЪ, склоняющихЪ кЪ сладкому дреманію. Живописныя обои, писанныя искусною рукою, представляли Греческія картины сна. ЗдѢсь видѢнЪ былЪ прекрасный Ендиміонъ, освѢщаемый серебреными лучами нѢжно луною на него низспускаемыми; а тамЪ прикрывалась розовымЪ кустомЪ богиня любви, около

ло которыя нѣжно разгорающихся щекъ и губъ, казалось парилъ восхитительный сонъ. Впрочемъ сіе былъ Амуръ заснувшій на лонѣ у единыя изъ трехъ Грацій. Старикъ лежалъ уже на постелѣ кармазиннаго атласа, а три пріятнѣйшія женщины казалось были упражнены ускореніемъ его сна. Единая, подобящаяся прекрасному осеннему дню, какой быть можетъ, сидя у его изголовья, сообщала ему пріятное прохлажденіе помаваніемъ пучка розовъ и миртъ; а другія двѣ сидѣли ниже по обѣимъ сторонамъ постели, одна съ лютною, а другая съ инструментомъ, служащимъ къ согласному возвышенію голоса. Обѣ играли и пѣли въ полголоса, то попеременно, то вмѣстѣ. Губы и голоса сихъ пѣвицъ были достойны ихъ пѣсней. Восхищеніе Эмира было въ высочайшемъ степени. Наконецъ благополучный старикъ заснулъ нечувствительно на лонѣ красавицы сравненныя съ осенью, а оставшееся семей-

семейство удалилось въ почтенномъ молчаніи, облобызавъ спустившуюся его руку.

Эмиръ не переставалъ говорить самъ въ себѣ: какіе это люди!

Вошедши онъ въ назначенную себѣ спальню, нашелъ въ ней обоихъ юношей служившихъ ему въ мыльнѣ. Взоръ ихъ напомнилъ ему о прекрасной невольницѣ, пѣвшей столь сладко при его прибытіи; и онъ самъ не могъ съ собою согласиться, надлежало ли ему печалиться, или радоваться о ея отсутствіи. Они его раздѣли и посадили на такую мягкую, пухлую и сладострастіе изъявляющую постелю, какой Эмиръ никогда не одавливалъ. Но едва удалились мальчики, то вошла прекрасная невольница съ своею ѳеорбою. Длинные ея развѣвающіяся волосы, досязающіе до земли, увѣнчаны были двумя розовыми вѣтвями, а къ персямъ, бѣлизною ослѣпившимъ взоръ его, приколотъ былъ пучокъ розъ. Она поклонясь ему съ молчаливою

 улыб-

улыбкою, сѣла въ креслы предъ его постелею; и настроя свою ѳеорбу запѣла ему наиприятнѣйшимъ въ свѣтѣ голосомъ столь восхитительныя аріи, что добрый Эмиръ упоенъ ея голосомъ, видомъ ея, и восьмидесятилѣтнымъ хозяина своего виномъ, забылъ то, о чемъ надлежало ему помнить, *быть разумнымъ*. Прекрасная пѣвица уповательно не имѣла повелѣнія сдѣлать несчастнымъ въ такомъ домѣ, гдѣ все дышало блаженствомъ. Но ахъ! . . . .

Нѣкоторый взглядъ Султана, который чаятельно значилъ совсѣмъ что нибудь другое, нежели Данишемендъ вообразилъ, тотчасъ его остановилъ. Ваше Величество, продолжалъ онъ по небольшей перемѣшкѣ, дабы не впасть въ порокъ Визиря Мослема, то я только скажу, что Эмиръ нашелъ пр чину почитать себя гонимымъ всѣми волшебниками и волшебницами въ свѣтѣ. Успокойтесь, сказала прекрасная невольница съ усмѣшкою, показывающею

въ

вЪ себѣ болѣе сострадания, нежели презрѣнія и негодованія; я вамЪ проиграю *анданте*, которое васЪ столько же хорошо усыпитЪ, какЪ и благополучнѣйшаго между всѣми пастухами. Но сіи изрѣченія не произвели обѣщаннаго дѣйствія. ЭмирЪ не преставалЪ обманываться до тѣхЪ порЪ, пока наконецЪ невольница, нашедши упрямство его неопреодолимымЪ, за лучшее не почла удалиться, пожелавши ему спокойнаго сна, какой онЪ могЪ только имѣть.

ДанишемендЪ, я доволенЪ твоею повѣстью, сказалЪ СултанЪ, завтре выслушаемЪ продолженіе, и я прикажу своему казначею выдать тебѣ три ста золотыхЪ багамовЪ. ФилософЪ и молодый Мирца удалились, а послѣ нихЪ заперли и двери спальни.

IV.

Слѣдующаго вечера продолжалъ Данишемендъ повѣствованіе свое по повелѣнію Султана слѣдующимъ образомъ:

Исторія Эмира и прекрасныя невольницы не долго таилась; сей Князь имѣлъ честь быть первымъ человѣкомъ въ своемъ родѣ, какого когда нибудь видѣли въ сихъ странахъ. Всѣ мущины и женщины въ домѣ не могли притти въ себя отъ удивленія, которое онъ имъ причинилъ. Они не могли того понять, какъ можно быть тѣмъ, что онъ былъ. Бѣдное твореніе! вопили они всѣ сострадательнымъ голосомъ, неспособнымъ однако утѣшить печаль несчастнаго Эмира. Во всю свою жизнь не былъ онъ столь самъ собою недоволенъ, какъ въ сію ночь. Сравненіе, чинимое имъ между самимъ собою, старикомъ тритцати двухъ лѣтъ и съ осьмидесятилѣтнымъ юношею съ побѣлѣвшими волосами. . . и размышленія, въ какихъ по-

погружаться оставила его прекрасная невольница, были совершенно сильны ввергнуть его въ отчаяніе. Онъ кусалъ у себя губы, билъ себя по головѣ, и проклиналъ въ горести своихъ сердца сераль, своего врача, своего поваровъ, и своихъ молодыхъ безумцевъ, возбудившихъ его своими примѣрами и своими правилами къ скорѣйшему нарушенію своего здоровья. Ослабѣвши отъ безсильнаго неистовства, и приведенъ будучи въ замѣшательство множествомъ мучительныхъ мыслей, отравившихъ чувствованіе его бытія, наконецъ заснулъ, и чрезъ нѣсколько часовъ опять проснувшись, едва не почелъ все приключившееся ему съ послѣдняго сна за одно привидѣніе. Онъ употреблялъ всѣ свои силы для утушенія воспоминанія съ наинепріятнѣйшія стороны своего приключенія; и въ надеждѣ, что прочія впечатлѣнія для него будутъ благосклоннѣе, онъ разтворилъ окошко, въ которое увидѣлъ лежащіе предъ собою сады,

окружающіе домЪ сЪ восточныя стороны. СвѢжій и чистый воздухЪ разсѢялЪ густыя облака, висящія еще около его мозгу; онЪ почувствовалЪ вЪ себѢ подкрѢпленіе; ощущеніе сіе вложило вЪ сердце его паки искру надежды: а сЪ упованіемЪ возродилась и любовь кЪ жизни. Разсматривая сіи сады, и противу своего испорченнаго вкуса вЪ великолѢпныхЪ и художественныхЪ вещахЪ не могЪ удержаться, чтобЪ не почесть ихЪ при всей ихЪ полезной простотѢ и наружной дичи прекрасными, узрѢлЪ онЪ старика упражняющагося вЪ небольшой садовой роботѢ подЪ вѢтвями зелени, которую ЭмирЪ не удостоивалЪ никогда и размышленія о ней. Желаніе узнать яснѢе о странныхЪ и чудныхЪ, видимыхЪ имЪ вЪ семЪ домѢ вещахЪ, побудило его сойти вЪ сады и вступить сЪ старикомЪ вЪ разговорЪ. Отблагодаря ему за человѢколюбивое его принятіе, началЪ онЪ изЪяснять свое удивленіе по-

тому, что старецЪ вЪ его лѣты могЪ быть толико прямЪ, толико трудолюбивЪ, толико живЪ и бодрЪ, и вкушалЪ еще удовольствія жизни. Естьли бы побѣлѣвшіе ваши волосы и сребровидная борода не означали глубокой старости, примолвилЪ онЪ, то бы я васЪ почелЪ мужемЪ лѣтЪ сорока. Прошу васЪ объяснить мнѣ сію загадку. Какое таинство вы имѣете для произведенія толикихЪ чудесЪ вЪ дѣйство?

Я вамЪ могу открыть свою тайну вЪ трехЪ словахЪ, отвѣчалЪ старикЪ усмѣхнувшись: *работа, удовольствіе и спокойствіе; принимать равно отЪ каждаго сЪ умѣренностію; быть внимательну кЪ знакамЪ природы, что бы оными наслаждаться кЪ статѣ*, производятЪ сіе чудо, какЪ вы оное называете, и самымЪ простѣйшимЪ образомЪ. Умѣренное утружденіе есть напоминаніе, чинимое намЪ природою, дабы прервать веселіемЪ нашу работу, и дабы послѣдовало прохлажденіе какЪ вЪ томЪ, такЪ и вЪ

 дру-

другомъ. Работа подкрѣпляетъ *вкусъ* естественныхъ удовольствій, и *способность* оными наслаждаться. Тотъ, кто не чувствуетъ болѣе привлеченій къ наслажденію сими чистыми удовольствіями, есть довольно несчастливъ, что принужденъ искать въ помощи искуства удовольствіе, котораго онъ пріобрѣсть никакъ чрезъ оное не можетъ. Научайся изъ моего примѣра, дорогій чужестранецъ, *сколько человѣка облагополучиваетъ повиновеніе природѣ*. Она насъ награждаетъ за то, осыпая насъ драгоцѣнными своими дарами. Вся моя жизнь была долгою цѣпью рѣдко прерывавшеюся въ благополучныхъ моихъ минутахъ; поелику самая работа, сразмѣрная нашимъ силамъ и несопровождаемая никакими огорчительными обстоятельствами соединена съ нѣкоторымъ родомъ сладкаго увеселенія, коего благотворительное втеченіе разпространяется по всему нашему существу. Но чтобъ сдѣлаться благополучнымъ чрезъ природу,

роду, то надлежитъ умѣть сохранять наивеличайшее изъ ея благодѣяній, и орудіе всѣхъ прочихъ, то есть, способность живаго, а неиспорченнаго чувствованія; а чтобъ хорошо чувствовать, необходимо надлежитъ разсуждать точно.

Старикъ примѣтивъ изъ виду Эмира, что онъ понялъ его довольно смѣшенно. Я вамъ, можетъ быть, покажусь гораздо вразумительнѣе, продолжалъ онъ, естьли разскажу вамъ исторію нашего маленькаго селенія, поелику во всякомъ другомъ жилищѣ, куда бы случай васъ въ сихъ не завелъ долинахъ, вы бы почти нашли то же самое, что и у меня. Эмиръ показалъ, что онъ съ великимъ удовольствіемъ выслушать его желаетъ. Онъ казался быть столько удрученнымъ, что сострадательный старикъ предложилъ ему сесть на софѣ въ бѣседкѣ, обсаженной цитронными деревьями, хотя бы для него самого прогуливаніе между деревьями было гораздо пріятнѣе.

Эмиръ принялъ сіе предложеніе; а между тѣмъ, какъ изящная молодая невольница разносила имъ самое лучшее Мокакское кофе, началъ бодрый старикъ свое повѣствованіе слѣдующимъ образомъ:

Древнее преданіе научаетъ насъ, что предки наши были *Греческаго поколѣнія*, и нѣкоторымъ приключеніемъ до свѣденія вашего непринадлежащимъ за нѣсколько вѣковъ выкинуты на сіи горы. Они размножились въ сихъ прекрасныхъ долинахъ, которыя, кажется, природа къ тому и предопредѣлила, чтобы сокрыть небольшое число благополучныхъ смертныхъ отъ зависти и заразительныхъ нравовъ имъ подобныхъ. Здѣсь жили они въ тѣсныхъ предѣлахъ *круга естественныхъ нуждъ*, и по видимому столь бѣдно, что самые *Бедуины*, ихъ сосѣди, казалось мало безпокоились о ихъ пребываніи. Время мало помалу загладило большую часть слѣдовъ ихъ происхожденія; языкъ ихъ смѣшался съ Арабскимъ; вѣра ихъ пере-

перродилась въ нѣкоторые суевѣрные обычаи, которымъ они сами не могли дать никакой причины; а отъ наукъ, Греческое государство во всѣхъ вѣкахъ отличавшихъ отъ всѣхъ прочихъ, осталась въ нихъ одна только любовь къ музыкѣ, и нѣкоторый врожденный вкусъ къ удовольствіямъ общества. Склонность сія была основаніемъ, на которомъ премудрый законодатель ихъ потомковъ основалъ небольшое общество благополучныхъ людей. Желая вѣчною между собою учинить *красоту жителей*, узаконили они принимать къ себѣ только прекраснѣйшихъ изъ дочерей сосѣдственнаго Иэмена; и безъ сомнѣнія должно приписать сему обыкновенію, (которое нашъ законоположникъ учинилъ непреложною должностію,) что бы во всѣхъ нашихъ долинахъ ни одного ни изъ нашего ни изъ другаго пола не сыщете лица, которое бы по ту сторону горъ не почлось за рѣдкую красоту. Превосходный мужъ, которому мы обязаны прямымъ нашимъ

шимЪ положенiемЪ, и который былЪ вторый основатель нашея области приведенЪ вЪ сiи мѣста во времена моего дѣда множествомЪ неизвѣстныхЪ намЪ приключенiй. Мы не знаемЪ ни о происхожденiи ни о приключенiяхЪ его жизни до эпохи его кЪ намЪ прибытiя. ОнЪ казался тогда отЪ роду лѣтЪ пятидесяти; онЪ былЪ высокЪ, величественнаго стана и толико вкрадчивой внѣшности, что вЪ короткое время привлекЪ кЪ себѣ всѣхЪ сердца. ОнЪ столько принесЪ сЪ собою золота, что всякой чувствовалЪ, что ему никакой другой не было причины жить между нами, какЪ только, что ему у насЪ понравилось. Кротость и прiятность его нравовЪ, естественная премудрость его разговоровЪ, познанiе, какое онЪ имѣлЪ о тысячѣ полезныхЪ и прiятныхЪ вещей, сопряженное сЪ велерѣчiемЪ, вкрадывающимся безупорно вЪ душу, подавали ему мало по малу неограниченную власть, какую обыкновенно самодер-

жецЪ

жецъ имѣетъ надъ своими природными подданными. Онъ нашелъ, что наша маленькая область *способна быть благополучною.* Люди, говорилъ онъ самъ въ себѣ, которые чрезъ нѣсколько вѣковъ могли довольствоваться простою необходимостію, заслуживаютъ вкушать благополучіе; я желалъ, чтобы они познали оное. Онъ скрывалъ нѣсколько времени свое намѣреніе; онъ разсуждалъ основательно, что первыя впечатлѣнія должно было намъ подать ему *споимъ примѣромъ.* Онъ поселился между нами, и жилъ въ своемъ домѣ такъ, какъ вы видѣли, мы живемъ; онъ познакомилъ родителей нашихъ съ спокойствіемъ и забавами, которыя не преминули прельстить ихъ желанія; и примѣтя, что онъ достигъ сего намѣренія приложилъ руки къ великому своему предпріятію. Другъ его съ нимъ сопутствовавшій и искусный во всѣхъ свободныхъ наукахъ въ высочайшемъ степени совершенства вспомоществовалъ

валЪ ему вЪ ускореніи успѣха. Многіе изЪ нашихЪ молодыхЪ людей, получа отЪ нихЪ нужныя наставленія трудились сЪ невѣроятною подЪ ихЪ присмотромЪ ревностію. Они подняли дикіе перелоги; жирные луга, и вертограды наполненные плодоносными древами процвѣли вЪ странахЪ осокою и терномЪ прежде покрытыхЪ; и самые каменистые косогоры отѣнились новоразведенными виноградными вѣтвями. Посредѣ небольшаго холма, обладающаго наипрекраснѣйшею долиною воздвигся круглый и со всѣхЪ сторонЪ открытый храмЪ, по срединѣ котораго Естрада на три ступени отЪ полу, и на сихЪ видны были *три статуи изЪ бѣлаго мрамора*, на которыя не можно было взирать безЪ пріятности и кроткаго восхищенія. Миртовая роща окружала храмЪ вЪ нѣкоторомЪ разстояніи и закрывала весь холмЪ. Сія послѣдняя работа казалась взору нашему загадкою, а ПсаммисЪ, (такЪ назывался сей

чуд-

чудный странникъ) до тѣхъ поръ не рѣшилъ намъ оную, пока не примѣтилъ, что нѣжное почтенiе, ощущаемое нами къ нему, не позволяло ему больше отрицаться отъ нашей нетерпѣливости. Наконецъ въ ясный день поутру, который съ того времени сдѣлался между нами священнѣйшимъ днемъ, повелъ онъ нѣкоторое число изъ нашихъ, коихъ онъ выбралъ яко способнѣйшихъ къ споспѣшествованiю его предпрiятiя, на холмъ, сѣлъ съ ними подъ миртами, и далъ имъ знать, что онъ ни съ какимъ другимъ намѣренiемъ къ нимъ пришелъ, какъ только ихъ и ихъ потомство облагополучить; что онъ за то никакого другаго возмѣздiя, кромѣ удовольствiя въ достиженiи своего намѣренiя не ожидаетъ, и что онъ отъ нихъ не требуетъ иного договора, кромѣ торжественнаго обѣщанiя хранить ненарушимо законы, которые намѣренъ онъ имъ дать. Пространно бы было, продолжалъ старикъ, разсказывать

вать вамъ то, что онъ говорилъ для увѣренія своихъ слушателей, и что онъ сдѣлалъ, чтобы окончать начатую имъ работу, и чтобы оной придать всю *твердость, какую можетъ имѣть начертаніе, основанное на природѣ и начертанное мудрымъ предвидѣніемъ. Перваго опыта его нравоученія составляющаго первую часть его законодательства*, довольно для внушенія вамъ о томъ нѣкотораго понятія. Каждый изъ насъ вступая въ свой сороковый годъ, въ самый тотъ день, въ который онъ въ храмѣ трехъ Грацій долженъ учинить обѣщаніе, жить слѣдуя природѣ, получаетъ родъ дощечекъ сдѣланныхъ изъ Эбеноваго дерева, на коихъ сіе нравоученіе золотыми начертано буквами. Мы носимъ ихъ всегда при себѣ и почитаемъ ихъ яко священную вещь и яко талисманъ, съ коимъ сопряжено наше блаженство. Дерзнувшій предложить другія правила изгоняется на всегда яко прелестникъ нашихъ обрядовъ и нару-

нарушитель нашего благосостоянія изъ нашего отечества. Послушайте, естьли вамъ угодно, что я вамъ изъ онаго намѣренъ прочесть.

Существо существъ (тако глаголетъ Псаммисъ, въ началѣ своихъ законовъ), очами нашими невидимое, и разуму нашему непостижимое, заставляющее чувствовать бытіе свое благодѣяніями; оно не имѣетъ въ насъ нужды и не требуетъ другой отъ насъ признательности, какъ только, чтобы мы допускали себя облагополучивать. Природа предопредѣленная имъ быть намъ общею ма́теріею и питательницею, внушаетъ намъ съ первыми чувствованіями такія склонности, отъ коихъ умѣренности и согласія наше зависитъ благоденствіе. Се есть гласъ ея глаголющій вамъ устами вашего Псаммиса, и законы его суть дѣйствительно законы ея.

Она желаетъ, чтобы вы веселились своимъ бытіемъ. Радость

есть послѣднее желаніе всѣхъ чувствительныхъ существъ; она есть для человѣка тоже самое, что воздухъ и солнце для растеній. Чрезъ сладкое осклабленіе возвѣщаетъ она *первое обнаженіе человѣчества* въ дѣтяхъ при сосцахъ, и отлученіе ея есть *предвѣстникъ разрушенія нашего существа*. Любовь и взаимная благосклонность суть ея прозрачнѣйшіе и обильнѣйшіе источники; невинность сердечная и чистота нравовъ есть тихое пристанище, въ которое они любителей своихъ безбѣдно приводятъ. Сіи благотворительныя изтеченія божества суть то, что вы видите представленное подъ образами, коимъ посвященъ вашъ общій храмъ. Разсуждайте о нихъ, яко о знаменіяхъ любви, невинности и радости. Всякой разъ по приближеніи весны и при началѣ и концѣ жатвы и осени и во всѣ праздничные дни собирайтесь въ сихъ миртовыхъ рощахъ, усыпайте храмъ розами, увѣнчавайте сіи драгоцѣнные истуканы свѣжи-

ми цвѣтами, возобновляйте предъ ними непреложное обѣщанiе быть вѣрными природѣ; обнимайте другъ друга при сихъ обѣтахъ, и юношество да заключаетъ праздникъ, при радостномъ воззрѣнiи стариковъ, плясанiемъ и пѣснѣми. Дабы младая пастушка, коея сердце начинаетъ изникать изъ глубокихъ мраковъ дѣтства, приходила одна въ миртовыя рощи, и посвятила любви первые вздохи свои, надымающiя нѣжныя ея перси: дабы младая мать семейства приходила почасту сюда съ своимъ въ объятiяхъ ея осклабляющимся младенцемъ, и наводяла на него своими пѣснями сладкiй сонъ при ногахъ Грацiй.

Внемлите мнѣ, чада природы! поелику симъ, а не другимъ какимъ именемъ долженъ впредь называться вашъ народъ.

Природа устроила всѣ ваши чувства: каждая жилочка составляющая чудную связь вашего бытiя, мозгъ вашъ и сердце ваше сдѣланы для того, чтобъ быть орудiями удоволь-

ствія. Могла ли она вамъ показать яснѣе сего способа конецъ, для котораго она васъ сотворила?

Естьли бы возможно было сдѣлать васъ способными чувствовать удовольствіе такъ, чтобы вы не ощущали никогда печали, то бы сіе и совершилось. Но природа *колико возможно было*, заградила стези, ведущія васъ къ болѣзни. Доколѣ будете слѣдовать ея законамъ, то оная болѣзнь рѣдко будетъ прерывать ваши веселія; а болѣе будетъ изощрять вашу чувственность ко всякому увеселенію, приличному вашей природѣ; она будетъ въ вашей жизни то, что тѣнь хорошей землѣ открытой солнцу, или то, что разность голосовъ въ согласіи, или наконецъ, что соль въ вашихъ брашнахъ.

Всякое благо превращается въ веселіе и всякое зло въ печаль. Но наивеличайшая печаль есть чувствованіе своего несчастія самимъ собою себѣ содѣланнаго; (при семъ Эмиръ из-

изпустилъ глубокїй вздохъ.) А верьхъ *радости* есть чистая безопасность жизни, никакимъ раскаянїемъ ненарушаемая.

Да не родится никогда между вами, о дѣти природы! *такое чудовище, которое бы радовалось видя другихъ страданїя; или которое бы не способно было сорадоваться ихъ радости?* Нѣтъ, толико неестественное и презрѣнное бытїе не можетъ показаться въ день, въ который невинность и любовь соединяются для разлитїя своихъ забавъ по всему дыханїе имущему. Веселитесь, дѣти мои, своимъ бытїемъ и своимъ человѣчествомъ; наслаждайтесь, колико можно, каждою минутою вашея жизни; но не забывайте никогда, *что безъ умѣренности, естественнѣйшїя пожеланїя дѣлаются источниками болѣзни*; и что излищество отравляетъ чистѣйшее сластолюбїе и подтачиваетъ отрасли вашего будущаго веселїя. *Умѣренность и самовольное воздержанїе*

 суть

суть безопаснѣйшія предохранительныя средства противу *отвращенія и нечувствительности*. Умѣренность есть мудрость; и мудрому только позволяется выпить до послѣдней капли чашу сластолюбія, налитую природою для всякаго смертнаго. Мудрый отказывается иногда отъ настоящаго веселія; не по тому, что онъ непріятель радости, или что изъ пустаго страха отвергаетъ всякое злое бытіе, озлобляющееся человѣческими забавами; но чтобъ предуготовить себя своею умѣренностію впредь къ тѣмъ больше совершенному наслажденію удовольствіемъ (*).

Послушайте меня, о дѣти природы! послушайте непреложнаго ея за-

(*) Сей періодъ выражаетъ почти тоже самое, что сказалъ Ксенофонтъ своему Киру въ 1. книгѣ Киропедіи. Уповательно Псаммисъ въ мысляхъ имѣлъ сіе мѣсто. По крайней мѣрѣ не одно сіе, доказываетъ, что нравоученіе его есть истинное нравоученіе Сократово.

закона! *безъ труда нѣтъ ни душевнаго ни тѣлеснаго здравія; безъ его всякое благополучіе есть невозможно.* Природа желаетъ, чтобы вы изъ нѣдръ ея почерпали средства для сохраненія и услажденія вашего бытія, яко плоды умѣренныхъ трудовъ. Ничто кромѣ соразмѣрнаго вашимъ силамъ труда не сохранитъ вашего здоровья, безъ котораго нѣтъ никакого удовольствія.

Больный или хворый человѣкъ, какъ о немъ ни суди, есть безсчастное твореніе. Всѣ способности бытія его страдаютъ чрезъ то; естественное его равновѣсіе разстроено, живость его ослабѣла и тѣлосложеніе его перемѣнилось. Чувства его представляютъ ему ложныя впечатлѣнія предметовъ. Свѣтъ духа его мраченъ, и разсужденіе его въ сравненіи вещей, содержится къ разсудку здороваго человѣка, яко *солнечный лучь къ мрачному свѣ-*

ту угасающаго надгробнаго свѣтильника.

Отъ той минуты (и о! естьли она придетъ, да лишитъ васъ на вѣки солнце своего свѣта!), отъ той минуты, въ которую невоздержность или художественное сластолюбіе разпуститъ въ жилахъ вашихъ сѣмена заразительныхъ болѣзней, законы Псаммиса лишатся своея силы васъ облагополучить. Тогда вы несчастные ввергните ихъ въ пламень ихъ пожирающій, поелику богини радости превратятся для васъ въ фурій. Тогда немедленно возвращайтесь въ такій міръ; *гдѣ вы безнаказанно можете проклинать бытіе свое*, или по крайней мѣрѣ услаждаться плачевнымъ утѣшеніемъ *видя по всюду сотоварищей своея бѣдности.*

Не ищите никогда, дѣти мои, высочайшаго степени познанія кромѣ сообщеннаго вамъ мною; вы знаете довольно, естьли научились быть счастливыми.

Прі-

Пріучайте очи свои къ наслажденію красотами природы, ея разнообразіемъ, ея богатымъ собраніемъ, ея прелестными цвѣтами; наполняйте воображеніе свое *понятіями добра*. Старайтесь показывать во всѣхъ своихъ рукодѣліяхъ и твореніяхъ духа своего природу: она есть *простая и непринужденная изящность*. Все окружающее ваши жилища представляетъ вамъ ея красоты и напоминаетъ вамъ, что вы ея дѣти.

Всѣ прочія дѣянія природы кажутся быть опытами, и предупражненіями, чрезъ которыя она пріуготовляется къ образованію своего превосходнаго творенія, *человѣка*. Кажется, что она въ немъ единственно въ одномъ соединила все состоящее въ ея волѣ подъ небесами, и влюбяся въ свою собственную работу, для него единственно съ толикою трудилась ревностію. Но она оставила намъ на волю оную совершить или испортить. *А для чего сіе сдѣлала?* Я о томъ не вѣдаю;

но послѣ *ею содѣланнаго*, должны мы знать, *что намъ надлежитъ дѣлать*. Всякое согласное движеніе нашего тѣла, всякое сладкое чувствованіе радости, любви и нѣжнаго единонравія украшаетъ насъ; весьма сильныя или чрезвычайныя движенія, стремительныя страсти, завистливыя и вредныя склонности обезображиваютъ черты нашего лица, отправляютъ наши взоры, и дѣлаютъ хорошій человѣческій видъ подобнымъ скотскому. Доколѣ добросердечіе и веселіе пребудутъ душею вашихъ движеній, пребудете и вы наилучшими изъ дѣтей человѣческихъ.

Слухъ по зрѣніи есть пресовершенный изъ нашихъ чувствъ; *пріучайте оной къ безхудожественному, но исполненному духа согласія; дышущему прекраснымъ чувствованіемъ, возбуждающимъ въ сердцѣ тихое колебаніе, или доставляющимъ усыпленной душѣ сладкіе сны.* Радость, любовь и невинность приводятъ человѣка въ стройность съ са-

самимъ собою, со всѣми честными людьми и со всею природою. Доколѣ вы оными будете одушевляться, то каждое ваше движенiе, обыкновенный тонъ вашего голоса, и самые ваши разговоры будутъ родомъ музыки.

Псаммисъ открылъ вамъ новые источники прiятныхъ чувствованiй: чрезъ него наслаждаетесь вы удручась дневною работою любострастнымъ спокойствiемъ: чрезъ него прiятные плоды пресажденные на сiи чужiя земли, да услаждаютъ гортань вашу: чрезъ него да ободряетъ васъ вино къ совершеннѣйшему веселiю, ко вступленiю въ искреннѣйшiе разговоры и къ остроумнымъ взаимнымъ шуткамъ, безъ которыхъ откровеннѣйшему пиршеству не достаетъ самыя лучшiя приправы. Въ любви, извѣстной вамъ только подъ низкимъ видомъ необходимости, показалъ онъ вамъ душу жизни, источникъ прекрасныхъ чувствованiй и *чистѣйшихъ сердечныхъ любострастiй.*

стій. О чада мои! откажу ли я вамъ въ толикомъ веселіи, въ толико пріятныхъ чувствованіяхъ? Ни въ чемъ, конечно ни въ чемъ изъ того, что природа для васъ устроила. Чуждъ отъ сихъ ложныхъ учителей, надутыхъ мнимымъ своимъ первенствомъ, и желающихъ разрушить смертнаго (суетныя и смѣшныя домогательства!) для извлеченія Бога изъ его развалинъ! Я выхваляю вамъ умѣренность, но не для какія другія причины, какъ только, что она необходимо нужна для спасенія васъ отъ болѣзни и для сохраненія васъ навсегда въ радости. Не изъ потворства къ слабости нашея природы позволяю я вамъ увеселять свои чувства; нѣтъ, но я вамъ приказываю оное дѣлать изъ повиновенія должнаго вами ея законамъ. Я уничтожилъ обманчивое различіе *между полезнымъ и пріятнымъ*; вы знаете, что ничто не заслуживаетъ имени удовольствія, что болѣзнію другаго или позднымъ

раска-

раскаяніемъ платится. Вы понимаете, что полезное въ самомъ дѣлѣ только потому полезно, что сохраняетъ насъ отъ скуки, или лучше, что оно есть источникъ радости. Я уничтожилъ безумную противность разныхъ родовъ забавъ, и возстановилъ между ими вѣчное согласіе науча васъ естественному участію, сердцемъ ощущаемому во всякой чувственной забавѣ, а чувствомъ во всякомъ сердечномъ веселіи. Я умножилъ ваши радости, очистилъ ихъ и учинилъ ихъ благородными. . . . Что могу я еще болѣе сдѣлать? *Еще одно и важнѣйшее изъ всего*: учитесь чада мои, легкому искуству увеличивать до безконечности блаженство свое; единому таинству приближать оное колико можно къ веселію боговъ; и, естьли бы позволено было съ толикою мыслить дерзостію, сравнять въ нѣкоторомъ родѣ съ веселіемъ, *коимъ наслаждается Творецъ самыя природы . . . Простирайте свою благо-*

склон-

склонность на всю природу; любите все то, что дѣлитъ съ вами общій ея даръ; всѣхъ существованіе сохраняющій. Любите всякаго носящаго священные знаки человѣчества безъ всякаго презрѣнія. Сорадуйтеся радующемуся. Отрите слезы разкаянія съ ланитъ наказаннаго безумія, и своими цѣлованіями осушайте источники слезъ, текущія изъ очей невинности. Умножайте свое бытіе, пріучая себя въ каждомъ человѣкѣ любить образъ вашея собственныя природы, и во всякомъ честномъ человѣкѣ другаго себя. Вкушайте сколько можно чаще сладкое божественное удовольствіе содѣлывать другихъ щастливѣйшими . . . А ты несчастный, котораго сердце не трогается едиными сими воображеніями, бѣги, удаляйся на вѣки изъ жилищъ дѣтей природы.

Нравоученіе мудраго Псаммиса такъ хорошо усыпило Шах-Жебала, что прекрасная Нурмагаль разсудила за благо продолженіе Эмирова

та повѣствованія отложить до слѣдующія ночи.

Нравоученіе твоего . . . . какъ бишь онъ называется? Есть удивительное нравоученіе, сказалъ Султанъ Данишеменду. Оно меня весьма усыпило! но теперь, пока мнѣ еще спать не хочется, ты сдѣлаешь мнѣ великое удовольствіе, естьли повѣствованіе свое безъ дальнаго окончишь нравоученія.

Данишемендъ давши отвѣтъ, какъ прилично покорному рабу, продолжалъ свою повѣсть слѣдующимъ образомъ:

Вотъ, сказалъ старикъ, закрывъ свои скрижали, суть правилà слѣдуя которымъ мы живемъ. Мы ихъ всасываемъ въ себя, такъ сказать, съ матернимъ млекомъ; и по примѣру и обычаю должны онѣ быть намъ *второю природою*, хотя бы онѣ сами въ себѣ и не весьма сходствовали съ ея законами. Вы удивитесь, что я будучи въ восемьдесятъ

сятъ лѣтъ еще въ состояніи участвовать въ веселостяхъ жизни: что сердце мое и мои чувства еще отверсты къ принятію всякаго сладкаго ощущенія; что взоръ мой всегда съ охотою еще останавливается на благообразномъ; и что, когда природа отказала моей древности въ нѣкоторыхъ забавахъ, коихъ я ни *не презираю, ни не болѣзную объ нихъ*, я съ удовольствіемъ ею мнѣ оставленными наслаждаюсь; однимъ словомъ, что послѣдняя доля жизни моея уподобляется *вечеру прекраснаго дня*, и что я по крайней мѣрѣ въ разсужденіи сего подоблюсь *мудрому, который* (дабы повторить выраженіе нашего законодателя) *выпиваетъ до послѣднія капли чашу сластолюбія*? Я кленусь сею блестящею звѣздою, освѣщающею природу, нашу общую мать; естьли при послѣднемъ моемъ издыханіи останется у меня довольно силъ на собраніе послѣднія онаго капли на мой ноготь, то я съ усердіемъ и радостію вкушу оную.

Ста-

Старецъ произрекъ сіи послѣднія слова съ такимъ жаромъ, что Эмиръ не могъ удержаться отъ улыбки; но сіе осклабленіе съ толь великою смѣшено было ревностію и уныніемъ, что лице его произвело весьма мало въ глазахъ одной изъ дщерей природы.

Послѣднюю часть нашего законодательства, касающуюся до благоучрежденія, продолжалъ старикъ, гораздо лучше уразумѣете вы изъ описанія нашего рода жизни и изъ нашихъ обрядовъ. Наша небольшая область, состоящая почти изъ пяти сотъ семействъ живетъ въ совершенномъ равенствѣ. Она не требуетъ никакого другаго различія, кромѣ положеннаго между людьми самою природою, любящею различность. Приверженности къ нашему узаконенію, почтенія къ старшимъ, коихъ мы яко хранителей онаго почитаемъ, довольно для сохраненія между нами порядка и спокойствія, единственныхъ плодовъ согласія правилъ се

страстями. Мы почитаемся всѣ за единое семейство; а малыя распри, происходящія между нами, уподобляются ссорамъ любовниковъ или временной размолвкѣ двухъ нѣжныхъ двоюродныхъ братьевъ. Праздники наши суть одни *судные дни*, которые мы знаемъ. Тогда нашъ весь народъ сбирается предъ храмомъ Грацій: тамъ, предъ ихъ очами старѣйшины наши разрѣшаютъ всѣ распри и устроеваютъ всѣ общественныя дѣла.

Мы питаемся и одѣваемся собственными своими произращеніями; а малое, чего у насъ не достаетъ, вымѣниваемъ мы у сосѣдственныхъ Бедуиновъ на нашъ избытокъ. Попеченіе о стадахъ оставляемъ мы нашему юношеству. Отъ пятнатцати до осьмнатцатилѣтняго возраста всѣ наши юноши бываютъ пастухами, а юныя дѣвицы пастушками; поелику мудрый Псаммисъ нашелъ, что сіе упражненіе есть естественнѣйшее для возраста возтор-

торженія и нѣжныя любви. Земледѣліе упражняетъ мущинъ отъ осьмнатцати до шестидесяти лѣтъ; воздѣланіе садовъ оставлено старикамъ, коимъ въ трудныхъ работахъ помогаютъ юноши. Пріуготовленіе хлопчатыя бумаги и шелку, попеченіе о цвѣтахъ и все внутреннее домостроительство принадлежитъ нашимъ женамъ и дочерямъ. Каждое семейство живетъ вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока родительскій домъ можетъ ихъ вмѣщать и содержать; а ежели онѣ наконецъ умножатся, то учреждается новое селеніе и основывается въ сосѣдственной долинѣ. Ибо Арабы (коихъ защищеніе покупаемъ мы за умѣренную дань, и которые кажется тѣмъ больше почитаютъ природу въ насъ, что они бы не много выиграли, естьли бы насъ раззорили) оставили намъ бо́льшую обширность земли, нежели потребно для нашего чрезъ нѣсколько вѣковъ населенія. Законодатель нашъ судилъ основательно, что для сохра-

ненія нашего положенія необходимо нужно, что бы нашЪ народЪ *не сЪ лишкомЪ разпложался*. Для сего учредилЪ онЪ отЪ времени до времени разсматривать молодыхЪ людей, и тѣхЪ, вЪ которыхЪ примѣтятся необыкновенныя способности, сварливый духЪ, нѣкоторое славожеланіе, или только единая ревность видѣть свѣтЪ, посылать за горы вЪ какой нибудь главный городЪ Египта, Сиріи, Иэмена, или Персіи, гдѣ они удобно найдутЪ случай обнаружить свои дарованія и сдѣлать свое счастіе, какЪ обыкновенно говорятЪ у сихЪ народовЪ. ТакимЪ образомЪ теряемЪ мы каждыя десять лѣтЪ знатное число юношей, но часто также случается, что они возвращаются для провожденія своея старости и окончанія своея жизни, *вЪ единомЪ убѣжищѣ* сохраненномЪ, *можетЪ быть, прекрасною природою на земли*. По выдержаніи ими весьма жестокаго карантина принимаемЪ мы ихЪ сЪ радостію, будучи

чи довольно убѣждены, что здоровье ихЪ душЪ и тѣла не заставляетЪ насЪ бояться ни вЪ чемЪ со стороны заразы. Нѣкоторые изЪ нихЪ вынесли сЪ собою знатныя богатства, хранимыя вЪ одномЪ всѣму нашему народу извѣстномЪ и открытомЪ мѣстѣ для употребленія вЪ случаѣ общихЪ нуждЪ, такЪ что никто не долженЪ никогда помышлять присвоить добро всѣмЪ обще принадлежащее. Воспитаніе нашихЪ дѣтей отЪ трехЪ до осьми лѣтЪ оставляется имЪ самимЪ, то есть, *воспитанію природы*. ОтЪ осьми до двѣнатцати лѣтЪ получаютЪ они столько наставленія, сколько имЪ необходимо потребно, чтобЪ быть благополучными сочленами нашего общества. Есть ли они довольно твердо чувствуютЪ и разсуждаютЪ, что бы почесть наше учрежденіе за наилучшее изЪ всѣхЪ возможныхЪ, то они довольно учены. Высочайшій степень тонкости былЪ бы для нихЪ безполезенЪ. По вступленіи вЪ четыр-

тырнатцатый годъ получаетъ каждый юноша законы мудраго Псаммиса; и присягаетъ предъ истуканами Грацій быть имъ вѣренъ, и сей обѣтъ возобновляетъ на осьмнатцатомъ году, сочетаваясь тогда съ дѣвицею, которую онъ полюбилъ будучи пастухомъ; ибо единая любовь творитъ наши супружества. На тритцатомъ году каждый обязанъ къ своей первой женѣ взять другую, а на сороковомъ третію, естьли онъ не можетъ довольныхъ привести причинъ противиться закону; на что мы никакого не имѣемъ примѣра. Предосторожность сія была необходима, поелику естественная пропорція въ числѣ юношей и дѣвицъ чрезъ отправленіе части первыхъ въ чужіе краи знатно уменшается. Мы имѣемъ невольниковъ обоего пола. Но болѣе держимъ ихъ для нашего увеселенія, нежели для полученія отъ нихъ другія пользы. Мы покупаемъ ихъ у Бедуиновъ въ самой нѣжной ихъ юности; и воспитываемъ ихъ

какъ нашихъ собственныхъ дѣтей; они наслаждаются жизнію также хорошо, какъ мы сами; дѣти ихъ свободны, а они сами дѣлаются таковыми съ тоя минуты, въ которую они насъ оставить намѣрены. Они ни въ чемъ кромѣ своея одежды, *красивѣе* еще нашея, не отличаются отъ насъ; и единое преимущество, которое мы имѣемъ предъ ними, что бы они намъ служили во время нашего покоя; и что главное ихъ упражненіе насъ забавлять.

Всѣ наши увеселенія естественны и безъ искуства; и всѣ наши выгоды носятъ на себѣ знаки простоты и умѣренности. Мы вкушаемъ блаженство вѣчнаго мира и вольности, которая можетъ быть для насъ есть единое только благо, поелику мы оное никогда во зло не употребляемъ. Мы довольствуемся, думаю, въ высочайшемъ степени, нежели прочіе смертные, веселіемъ, соединеннымъ природою съ удовле-

 тво-

твореніемъ жизненныхъ потребностей, съ любовію, покоемъ послѣ трудовъ, и со всѣми обходительными побужденіями; мы наслаждаемся *совершеннѣе и долѣе нашимъ существованіемъ*, и изъ безчисленнаго множества мученій ихъ удручающихъ знаемъ ли мы едва немногія, и то только по имени. Мы охотно оставляемъ имъ ихъ дѣйствительныя, или мнимыя предъ нами преимущества, ихъ великолѣпіе, ихъ роскошь, ихъ скучныя забавы, ихъ домогательство быть другъ другу въ тягость, ихъ безпокойство, ихъ пороки и ихъ болѣзни. Должны ли мы завидовать ихъ художествамъ, умягчающимъ ихъ неограниченною тонкостію до такого степени, что они наконецъ лишаются чувства? *Науки* ли ихъ возбудятъ въ насъ зависть? Нѣтъ! мы въ состояніи и безъ оныхъ возбудить тайную ненависть ученѣйшаго изъ нихъ, есть ли ему доведется насъ узнать. Мы толико удалены отъ сея студныя страсти, что естьли бы кто мало покусился

пере-

перемѣнить хотя нѣчто въ нашемъ положеніи, или обогатить насъ новыми художествами или новыми потребностями, тобы тотъ наказанъ былъ вѣчною ссылкою. Я самъ препроводилъ нѣсколько лѣтъ моея жизни, продолжалъ старикъ, въ странствованіи по большей части свѣта. Я разсматривалъ, примѣчалъ, сравнивалъ. Симъ удручася съ коликимъ восхищеніемъ благодарилъ я небо, что я зналъ небольшій уголъ на земли, гдѣ *позможно было въ тишинѣ наслаждаться совершеннымъ блаженствомъ*! съ коликимъ жаромъ полетѣлъ я къ симъ жилищамъ мира и невинности! это правда, что народъ нашъ въ сравненіи съ другими, есть небольшій народъ собранный и оживляемый веселіемъ. Но тѣмъ лучше для насъ! должно ли насъ хулить за то, что мы не противимся природѣ, желающей насъ облагополучить?„

Здѣсь окончалъ старикъ свою рѣчь, поелику солнце ужѐ высоко взо-

 шло

шло на горизонтѣ, и онъ повелъ гостя своего Эмира въ покрытую залу, затѣняемую густосоплетшимися высокихъ каштановыхъ деревъ вѣтвями. Не успѣли они сѣсть на около сдѣланную въ оной софу, какъ старикъ увидѣлъ себя со всѣхъ сторонъ кучами своихъ внучатъ окруженна на подобіе роящихся пчелъ, кишащихъ около его съ поздравленіемъ, и для полученія отъ него приласканія. Маленькіе были принесены любезными своими матерями, между коими не было ни единыя, которая бы въ простомъ и прелестномъ своемъ уборѣ съ широкими рукавами, подвязанными для показанія бѣлизны снѣгу подобныхъ рукъ, и съ своимъ дражайшимъ дѣтищемъ къ легко прикрытымъ персямъ прижатымъ, не представляла прекраснаго Венерина образа. При семъ привлекательномъ и утѣшительномъ возрѣніи забылъ Эмиръ тысячу вопросовъ, кои онъ хотѣлъ сдѣлать своему хозяину послѣ его повѣствова-

ванія, а сей отдался совсѣмъ увеселенію забавляться изчадіями своихъ дѣтей. Глубокая старость сопряженная съ ребячествомъ, и успокоенная видимымъ помоложеніемъ одного и нѣжными ласками другаго, и множествомъ малыхъ тѣней, которыя можно лучше чувствовать, нежели описать; здравый и веселый видъ сего старика; его достопочтеннаго чела; тихое восхищеніе, разливающееся по всѣмъ его чертамъ при воззрѣніи на толикое множество благополучныхъ твореній, въ коихъ онъ самъ себя видѣлъ толико умноженна; усердное снисхожденіе, съ коимъ онъ сносилъ мятущуюся ихъ живность; удовольствіе, которое онъ находилъ въ допущеніи сосущихъ младенцевъ въ объятіяхъ прекрасныхъ своихъ матерей играть съ своею бѣлою бородою. . . . все вкупѣ составляло *живую картину*, *коея видъ доказывалъ больше превосходство нравоученія мудраго Псаммиса, нежели тончайшія умоклю*-

че-

ченія могли содѣлать. Самъ Эмиръ, сколько въ немъ ни подавлены были кроткія и благородныя чувствованія природы лютымъ тиранствомъ грубыя чувственности, ощущалъ при воззреніи на сіе въ своемъ ожесточенномъ сердцѣ умягченіе; и бѣглый блескъ удовольствія разпростирался по его лицу, подобно лучамъ небеснаго свѣтила, проникающимъ вдругъ мрачную густоту облаковъ, и показывающимъ на мгновеніе нещастнымъ душамъ блаженство обитающихъ въ вѣчныхъ жилищахъ любви и веселія, какъ будто бы для усугубленія ихъ мученія и отчаянія.

Сочинитель, изъ коего почерпнулъ я сіе повѣствованіе, продолжалъ Данищемендъ, останавливается здѣсь, не давъ далѣе знать о времени пребыванія Эмирова въ сихъ благополучныхъ селеніяхъ. Нѣкоторые примѣчатели говорятъ, что онъ со злости, сравнивъ ихъ блаженное состояніе съ своимъ, кинулся съ вершины каменныя горы. Но другій,

ко-

котораго свидѣтельство несравненно достовѣрнѣе, увѣряетъ, что онъ непосредственно оставя дѣтей природы удалился въ монастырь Дервишей, и послѣ подъ именемъ Шек-Кубаня, снискалъ славу великаго нравоучителя въ Иэменѣ. Онъ, сказываютъ, особливо отличался живостію описаній о несчастныхъ слѣдствіяхъ необузданныя чувственности. Чудились силѣ и истиннѣ его выраженій, коими онъ искуснѣе всякаго живописца начертывалъ картины, на коихъ никто или только весьма немногіе, имѣющіе дарованіе угадывать, какое лице кроется подъ сею маскою, поняли, для чего онъ такъ хорошо пишетъ. *Онъ бы могъ быть полезнымъ, естьли бы онъ былъ тѣмъ доволенъ*; но зависть и отчаяніе не позволили ему остаться въ толико благоразумныхъ границахъ. Онъ объявилъ себя непріятелемъ радости и веселостей жизни. Не отлича естественнаго и мудраго оныхъ употребленія отъ само себя на-

наказующаго злоупотребленія, представилЪ онЪ роскошь и радость вредоносными сиренами, приманивающими бѣдныхЪ путешественниковЪ сладостію своихЪ голосовЪ для высасыванія мозгу и для оглоданія плоти около костей ихЪ, и наконецЪ, не нашедЪ на нихЪ ничего, повергнуть остатки вЪ снѣдь червямЪ. ОнЪ описалЪ любовь забавы ненасытною страстію. Надѣяться, сказалЪ онЪ, что можно будетЪ держать ее вЪ границахЪ, столько же бы было разумно, какЪ естьли бы кто захотѣлЪ воспитывать ехидну вЪ своей пазухѣ, вЪ надеждѣ пріучить ее кЪ рукамЪ. ПодЪ симЪ подлогомЪ желалЪ онЪ всѣ чувственныя искоренить страсти. Удовольствіе воображенія казалось ему опасными силками, а чистое сластолюбіе сердечное и чувственное чрезЪ искуство пріуготовленнымЪ ядомЪ, коего изобрѣтатели заслуживали быть наказаны вѣчнымЪ пламенемЪ. Сіе безумное нравоученіе, плодЪ испорчен-

ченныхъ его соковъ, и изсохшаго мозга, въ которомъ обитала смутная душа, было причиною его поученій, исполненныхъ ложными умоключеніями, такъ что онъ наконецъ самъ не могъ различать истинны. Онъ воображалъ, что сіе безумство, влекущее его желать содѣлать всѣхъ людей толико же несчастными тварями, какъ онъ самъ, было сущее человѣколюбіе; а какъ болѣзнь его достигла высочайшаго степени, то онъ кончилъ тѣмъ, что помѣшательство чувственныхъ своихъ орудій и заблужденіе своего понятія приписалъ самому высочайшему существу. Онъ дерзнулъ *представить творца всякаго блага, яко ненавистнымъ демономъ*, раздражающимся радостію, которою наслаждаются его твари, и коего гнѣвъ укротить только могутъ воздержаніе отъ всякихъ веселій, вздохи, слезы и самопроизвольное самого себя мученіе.

Я бы могъ представить еще многія примѣчанія достойныя вещи о слѣдствіяхъ сего человѣконенавистнаго нравоученія, и объ остроумномъ употребленіи онаго, которое дѣлали Дервиши, Факиры, Талопинцы, Бонзы и Ламы во всѣхъ частяхъ Асіи и Индіи. Но я скажу только то, что ужѐ давно извѣстно Султану, моему Государю, и всему свѣту (хотя и безъ того кажется, что свѣтъ въ лучшемъ находится состояніи). Впрочемъ есть время начать и есть время окончить, говоритъ мудрый Зороастръ.

Шах-Жебалъ былъ столько доволенъ (мы не знаемъ почему) повѣствованіемъ Философа Данишеменда, а особливо окончаніемъ, что приказалъ немедленно выдать ему пять сотъ багам-доровъ изъ своея казны. Какъ скоро, примолвилъ онъ къ тому, опорожнится первое мѣсто главнаго надзирателя надъ Дервишами и Бонзами, то я хочу отдать его Данишеменду.

Нур-

Нурмагаль доложила Султану, что Дервиши, услышавъ заключенiе Докторскаго повѣствованiя, вышли бы весьма недовольны. Онъ указалъ первому придворному Иману быть ввечеру при отхожденiи его ко сну. Его Величество не мало веселился досадою, которую Иманъ, какъ они думали, почувствуетъ, увидя превращенiе Эмира въ Дервиша. Но поелику Иманъ, будучи не хитрѣе другаго, долженъ былъ по видимому примѣчать то, что ему доставляло честь быть тутъ, поступилъ столь скромно, что не показалъ ни малѣйшаго знака гнѣва и досады. Однако онъ не могъ удержаться, чтобъ не сдѣлать примѣчанiя. Есть ли это правда, сказалъ онъ, (о чемъ однако я праведно сомнѣваюсь) что былъ въ свѣтѣ такiй народикъ, подобный дѣтямъ природы, то я думаю, что лучше бы было или память онаго совершенно уничтожить, или по крайней мѣрѣ недопускать внушать сiе народу.

А по чему, есть ли смѣю спросить ваше Преподобіе, сказалъ Султанъ?

Я простираю сіе мое мнѣніе, отвѣчалъ Иманъ; на всѣ *изображенія* невѣдомо какихъ то *мнимыхъ людей*, препровождающихъ подъ выдуманнымъ закономъ *природы* безпечную изъ единаго сластолюбія и пріятныхъ чувствованій сплетенную жизнь. Чѣмъ безвиннѣе и любви достойнѣе представляются ихъ обычаи, тѣмъ бываетъ опаснѣе впечатлѣніе, чинимое такими выдумками на души великаго множества народа. Искренно сказать (продолжалъ онъ тихимъ тономъ, соотвѣтствующимъ благочинному его виду), я не могъ понять, какія отъ того можно ожидать пользы; или какъ можно скрыть отъ самого себя, что они ни къ чему иному служить не могутъ, какъ къ разлитію въ свѣтѣ духа нѣжности, отстрашающаго гражданъ общества отъ всякихъ тяжестныхъ работъ, и всѣхъ трудныхъ предпріятій. Наконецъ никого не сыщется, кто бы

со-

согласился пахать поле, подвергнуть жизнь свою опасности на морѣ, или противу государственнаго супостата. Сей духъ нѣжности всѣмъ сообщается; и всякій пожелаетъ быть вскорѣ столько щастливымъ, какъ сіи слабые дѣти природы, которыхъ сластолюбивое нравоученіе дается намъ вмѣсто премудрости. Вообще совершенство каждыя части политическаго благосостоянія требуетъ такихъ людей, кои не страшатся никакія работы, и которые неусыпнымъ прилѣжаніемъ, къ коему нѣжная душа никакъ неспособна (*), силятся

(*) Хотя неоспоримо, что Иманъ говоритъ здѣсь нѣкоторыя истинны, однако мы не можемъ оставить безъ примѣчанія, что сіе послѣднее предложеніе ложно. Солонъ, Пизистратъ, Алкивіадъ, Димитрій Поліорцетъ, Юлій Цезарь, Антоній и тма другихъ примѣровъ доказывали всегда противное. Но сей Иманъ конечно не съ лишкомъ обращался въ исторіи.

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

на перерывъ ввести родъ полезныхъ упражненій. Можно ли льститься увидѣть когда нибудь, что бы роскошный купецъ сдѣлался богатымъ, сластолюбивый художникъ снискалъ способность, любострастный ученый достигъ въ учености славы? Не примется ли сіе примѣчапіе по крайней мѣрѣ отъ большаго множества людей? Можно ли повѣрить, что сластолюбивый судья исполнитъ точнѣе и совѣстнѣе должность званія своего, или полководецъ склонный къ нѣжности тѣмъ храбрѣе выступитъ изъ нѣдръ сластолюбія, тѣмъ лучше выдержитъ трудности похода, и скорѣе покоритъ враговъ подъ ноги Султана нашего Государя? . . . Видите Господинъ Данишемендъ, что я могу употребить оружіе, которое собственное мое состояніе могло мнѣ подать въ руки противу васъ.

Въ продолженіи сея прекрасныя Имановой рѣчи, Султанъ, съ полусонными глазами запѣлъ тономъ скуки, *ла фаридонденъ ла фаридондонъ,*

дон-

донден дондонъ, донденъ, донденъ, донденъ, дондонъ; поелику онъ ставилъ себѣ нѣсколько въ честь быть знающимъ въ *подлыхъ пѣсняхъ*. Ну, Докторъ, вскричалъ онъ, по оканчанiи Имановой рѣчи, посмотримъ, что ты противоположишь симъ доводамъ.

Съ позволенiя Вашего Величества, отвѣчалъ Данишемендъ, я только кратко покажу, что доводы Имана сперва *много*, во вторыхъ *весьма мало*, а наконецъ *совсѣмъ ничего* не доказываютъ. Они доказываютъ *много*; по елику *всѣ его опорочиванiя касаются до природы столько же сильно*, какъ и до изображенiй или выдумокъ, кажущихся ему толико опасными. *Законы мудраго Псаммиса*, опытъ, и общiя наблюденiя, на коихъ основано его нравоученiе, *суть не вымыслы*. Есть ли состоянiе, въ которое его законоположничество привело жителей благополучныхъ долинъ, изъ всѣхъ возможныхъ ближе подходитъ къ человѣчеству, естьли оно есть то, въ ко-

торомъ человѣчество меньше всего страдаетъ, меньше творитъ зла, меньше всего во зло употребляетъ благодѣянія природы, и при концѣ своего теченія меньше о жизни заставляетъ разкаиваться? То кто имѣетъ право въ чемъ нибудь противу онаго возражать? Развѣ пріятныя чувствованія, предлагаемыя намъ со всѣхъ сторонъ природою, суетное суть великолѣпіе? Развѣ онѣ суть простые только опыты, долженствующіе насъ упражнять во мздовоздаятельномъ воздержаніи? Естьли такое было намѣреніе природы, то надлежитъ признаться, что она чудныя имѣетъ мысли. Можно ли намъ сочесть то въ худо, естьли мы склоннѣе почитать тѣхъ за упрямыхъ, которые желаютъ ее сдѣлать безумною? Но что мы скажемъ, увидя сихъ отмѣнныхъ смертныхъ, кои почитаютъ со всякою важностію веселіе за мрежи, разставленныя для ихъ добродѣтели, сдѣлавшихся жертвою труда ими безпрестанно принимаемаго, для разрушенія поло-

вины своего бытія? Съ испорченною своею желчію, своею задумчивостію, съ своимъ мучительнымъ страхомъ всякую минуту проступиться, коротко, со всѣми призраками, коими уязвленное ихъ воображеніе мнитъ себя быть окруженна, могутъ ли они быть способнѣе, преуспѣвать въ своемъ собственномъ совершенствѣ и благѣ общества? Ваше Преподобіе, находясь въ случаѣ кушать вмѣстѣ съ Индѣйскимъ Султаномъ, имѣть въ Дели смотреніе надъ тайными дѣлами пяти или шести прекрасныхъ госпожъ, и всякій мѣсяцъ опускать въ свой кошелекъ по сту багам-доровъ, для собранія коихъ сто бѣдныхъ крестьянъ должны работать и терпѣть голодъ, такъ, что у нихъ остаются однѣ только кости... Ваше преподобіе, говорю я, можетъ быть, не представляете себѣ состоянія сираго діавола, питающагося гнилыми крупицами хлѣба, и *цистерною* водою, и, дабы красота чувствъ его прельстить не могла, выжегшаго себѣ глаза на солнцѣ,

. . . . Я побожусь, что онъ долженъ быть. . . .

Браво, Данишемендъ, сказалъ Султанъ полуголосомъ и ободрительнымъ мановенiемъ, которое не скрылось отъ Имана.

И такъ я говорю, продолжалъ Докторъ, естьли намѣренiе природы не въ томъ состояло, что бы прелестными ею предлагаемыми предметами насъ обмануть, то доводы Имана доказываютъ *весьма много*; поелику наипрелестнѣйшiя описанiя не могутъ произвести половины только того дѣйствiя, какое производятъ помянутые предметы. Есть ли напротивъ того природа имѣла мудрыя намѣренiя, изпровергаемыя большею частiю людей по лехкомысленности, ложному вкусу, или по испорченнымъ правиламъ; то весьма похвально и полезно поставить ихъ на путь природы, и обязать ихъ *наслаждаться ея благотворенiями, самыми тѣми изображенiями*, которыя имѣли честь не понравиться Иману.

Во

Во вторыхъ доводы его доказываютъ *весьма мало*; ибо хотя бы весь свѣтъ наполненъ былъ картинами, представляющими щастливые острова и благополучныхъ людей, ты бы десятью закладываться можно противу одного, что страсти, колеблющія во всякое время нравственный свѣтъ, не хуже сыграютъ свою ролю. Желаніе благополучныя жизни произведетъ во всякомъ состояніи, основанномъ на неравенствѣ, любовь къ богатству; а сіе послѣднее любовь къ славѣ, величеству и самопроизвольной власти. Страсти сіи родятъ премножество талантовъ, смотря по благопріятству системы или состоянію правленія; и желаніе пріятнѣйшаго наслажденія жизни, которое Иманъ совсѣмъ почитаетъ невозможнымъ, произведетъ точно противное дѣйствіе. Мы будемъ имѣть трудолюбивыхъ людей, изобрѣтателей, исправителей, храбрыхъ и героевъ столько, сколько намъ потребно,

а можетЪ быть и больше. Сія мнимыя изображенія сластолюбія чувствЪ, воображенія и сердца сильно помогутЪ посредствомЪ самыя природы кЪ ускоренію великаго намѣренія, лежащаго на сердцѣ у Вашего Преподобія. До тѣхЪ порЪ, пока будешЪ увеселяться такими картинами, несомнѣнно будешь желать быть вЪ сихЪ счастливыхЪ островахЪ, вЪ сихЪ пастушьихЪ жилищахЪ, или такЪ сказать, гдѣ наипріятнѣйшая жизнь толь мало стоитЪ; но желаніе скоро наскучитЪ; и не льстясь обрѣсть нечаянно предЪ своими воротами прекрасную раковую колесницу, везомую шестью крылатыми единорогами, для взятія желающаго прогуливаться вЪ мысленные свѣты, для препровожденія благополучныя жизни довольно будетЪ и того, что бы употребить средства состоящія вЪ нашей власти, и возможныя вЪ *пространствѣ міра нами обитаемаго*. И такЪ заключенія Имановы доказываютЪ *весьма много и весьма мало*, и слѣдовательно, *совсѣмЪ ничего*. Одна-

Однако положимъ *самый худшій случай*, положимъ, что вымыслы или картины, о коихъ у насъ идетъ рѣчь, подѣйствуютъ во всѣхъ народахъ, обитающихъ между Гангесомъ и Индомъ, что они отрѣкутся отъ своего прежняго рода жизни (хотя опасаться должно, чтобы мой Эмиръ сдѣлавшись Дервишемъ не соблазнилъ всего Индостана своимъ сумазброднымъ нравоученіемъ, пока Псаммисъ обратилъ только малѣйшую провинцію изъ онаго къ своему.) . . . Но положимъ: сколь великія думаете Ваше Преподобіе произойдутъ изъ того неустройства и смятенія? Псаммисъ въ короткое время достигъ до того, въ чемъ мудрецы всѣхъ народовъ трудились нѣсколько тысячь лѣтъ почти безъ всякаго успѣха: *или сіи господа ищутъ, чего нибудь другаго, а не того, чтобъ учинить людей благополучнѣйшими?*

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Султанъ усмѣхнувшись, я самъ и Иманъ съ своею братіею потеряли бы много при такомъ превращеніи.

Опа-

Опасность кажется бо́льшею, нежели она есть въ самъ дѣлѣ, сказала Нурмагаль. Шестьдесятъ миллїоновъ человѣкъ, хотя бы ихъ законоположникъ былъ самъ ангелъ Іэзрадъ, не могли бы прожить десяти лѣтъ безъ Султана и безъ Имана.

И я думаю тоже, сказалъ Султанъ. Между тѣмъ я держусь того, что я тебѣ обѣщалъ, Данишемендъ. Ваше Преподобїе, Г. Иманъ, Видите въ немъ назначеннаго преемника главнаго надзирателя надъ Дервишами.

Выборъ дѣлаетъ честь мудрости Вашего Величества, отвѣчалъ Иманъ, съ видомъ, означающимъ довольно ясно противное чувствїе.

Не подлежитъ невольнику имѣть другаго желанїя, кромѣ воли своего Государя, сказалъ Данишемендъ; но есть ли осмѣлюсь просить Ваше Величество употребить меня въ другую службя....

Больше ни слова, перервалъ рѣчь его Шах-Жебалъ, я избралъ Данишеменда; Добрая вамъ ночь!

IV.

Слѣдующаго дня, молодый Мирца напомнилъ, что Данишемендъ долженъ еще сдѣлать дополненіе къ своему повѣствованію.

Мирца, ты напомнилъ мнѣ къ статѣ, сказалъ Султанъ. Я ему приказывалъ о чемъ-то сказать свое мнѣніе: а онъ вмѣсто того разсказываетъ намъ басенку или повѣсть, которая столько же хороша, какъ и сказочка. О чемъ-бишь было, Данишемендъ?

Ваше Величество, говорено было о *нѣкоторомъ благоучрежденіи*, въ какомъ была нужда, дабы роскошь, введенная Султаншею Лили не причинила какого чувствительнаго раззоренія. Я просилъ себѣ позволенія разсказать повѣсть Эмира . . . . .

Хорошо, и я почти усматриваю, куда ты клонишъ свою повѣсть. Ты намъ описываешъ небольшій народъ, состоящій изъ четырехъ или пяти сотъ семействъ, ко-

которыя (благодаря нравоученію мудраго Псаммиса, такъ хорошо меня усыпившему) ведутъ столь благополучные дни, ѣдятъ и пьютъ хорошо, заставляютъ прекрасныхъ дѣвицъ усыплять себя пѣніемъ, и при всемъ томъ суть безвиннѣйшіе и благополучнѣйшіе въ свѣтѣ люди. Это все весьма хорошо слушать; однако ты конечно не думаешъ, что бы законодательство мудраго Псаммиса могло быть употребительно въ государствѣ, *состоящемъ изъ нѣсколькихъ миллiоновъ семействъ*?

Я благодарю всепокорнѣйше Вашему Величеству за правосудіе, которое вы отдаете моему разумѣнію, отвѣчалъ Данишемендъ. Исторія Эмира и дѣтей природы должна *просто* доказать, что есть великая разность въ средствахъ облагополучить небольшей отдѣленной отъ прочаго свѣта народъ, и обширное государство, сопряженное съ двадцатью другими. Я соглашаюсь, что благополучіе того и другаго есть всегда

тда *слѣдство жизни* сообразныя съ природою. Но точно для того должна быть разность въ общемъ количествѣ добра и зла тѣмъ больше, чѣмъ далѣе народъ удаленъ отъ природы, и чѣмъ меньше ему возможно слѣдовать единственно ея законамъ. Ни самъ Псаммисъ, ни Конфуцій, ни всѣ двенатцать Имановъ, истинные послѣдователи нашего пророка не могли бы изобрѣсти законодательства, которое бы доставило всѣмъ обитателямъ *пространнаго государства* жизнь толико свободную, толико спокойную, толико безвинную и толико пріятную, какую имѣютъ такъ названные дѣти природы. Причины тому довольно ощутительны. Сіе стеченіе частныхъ обстоятельствъ, принадлежащихъ къ необходимымъ предложеніямъ благосостоянія послѣднихъ, невозможно для *великаго народа. Тамъ вольность и общая безопасность суть двѣ несносныя вещи; а равенство навлекаетъ безчисленныя спары и несогласія, кои рѣ-*

шитъ

шить *должно силою*; многомощнѣйшій подвергаетъ себѣ слабаго, у хитраго ползаетъ простый, и такимъ образомъ *теряется равенство*. Также совсѣмъ невозможно великому народу наслаждаться *выгодами* художествъ, украшающихъ жизнь и дѣлающихъ ее гораздо пріятнѣйшею, не испытавъ *зла*, сопровождающаго *злоупотребленіе* оныхъ. *Весьма малый народъ* можетъ быть содержанъ въ границахъ умѣренности и посредственности, помощію единства *мнѣній* и *нравовъ*, съ коими сопряжено его благоденствіе; но *великій* народъ имѣетъ нужду въ *страстяхъ*, чтобъ быть приведену въ сіе безпрерывное движеніе, требуемое благоучрежденіемъ. Все, что премудрый законоположникъ при семъ сдѣлать можетъ, состоитъ въ томъ, чтобъ предостерегать отъ вреда, какой излишество или необузданное стремленіе сихъ страстей могутъ причинить *всему обществу*. Нѣкоторые члены будутъ всегда жертвою своего

его собственнаго безумія; но это ихъ дѣло, законодатель не можетъ сего отвратить; поелику надлежало бы употребить средства, долженствующія произвести большее зло, чтобъ ими удержать отъ меньшаго. По сихъ разсужденіяхъ почитаю я, *благоучрежденіе*, *которымъ искали отвратить роскошь въ пользу великаго государства*, за толико же гнусную *химеру*, какъ и проэктъ философа *Фанфарашина*, написавшаго почти за сто лѣтъ превеликую книгу въ двадцати томахъ въ четверть листа, что бы подать наставленіе, какимъ образомъ можно дѣлать всѣхъ дѣтей человѣческихъ на твердой землѣ и на островахъ морскихъ мудрыми и добродѣтельными. Предпріятіе, коего и одно воображеніе лестно и славно, но исполненіе невозможно, и противу намѣренія добраго *Фанфарашина*, имѣло нѣкоторыя худыя слѣдствія, о коихъ кажется онъ не помышлялъ: и которыя тѣмъ вреднѣе были, что ни-

никто долгое время не могъ примѣтить, откуда бы происходило зло...

На примѣръ? Сказалъ Шах-Жебалъ......

Между прочимъ сіе: что изъ пяти сотъ молодыхъ людей, воспитанныхъ по его пра́виламъ сдѣлались бы по крайней мѣрѣ сто пятдесятъ благочестивыми, скромными, вкрадчивыми; и столько же бы лицемѣрными *бездѣльниками*, упражняющимися въ искуствѣ таить свои страсти, скрывать дурныя свои склонности подъ пригожею личиною, обманывать незнающихъ добродѣтелію и вѣрою, состоящею только въ словахъ. Однимъ словомъ, подъ видомъ точнѣйшаго нравоученія, они умѣли бы больше препятствовать благу, и больше причинять зла, нежели бы они могли сдѣлать, будучи оставляемы своей природной склонности и случаямъ.... Далѣе, изъ помянутыхъ пяти сотъ вышло бы почти три ста такихъ, которые *на подобіе ученыхъ собакъ и обезьянъ* дѣлали всѣ обороты, коимъ ихъ учили,

по-

повиновались знаку, могли повторять, что имъ натвержено, ни въ чемъ не совѣтовались съ своимъ собственнымъ чувствованіемъ, никогда не сумнѣвались о томъ, что имъ вразумлено было за истинное; короче сказать, они представлялись во всѣхъ частяхъ *обезьянами обезьянѣ мудраго Фанфарашина.* Я дерзаю увѣрять, что все сіе было точно противу намѣренія природы, желающей всякому человѣку играть свое собственное лице. Довольно, что былъ въ свѣтѣ *Фанфарашинъ.* Три ста человѣкъ, которые остались бы такими, какими ихъ природа сотворила, услышали бы, что въ семъ числѣ по крайней мѣрѣ двѣсти восемьдесятъ были *неудачные Фанфарашины.*

Довольно, перебилъ Султанъ. Когда жилъ сей *Фанфарашинъ?*

Во времена Шах-Долки, прапращура, Вашего Величества, вѣчнодостойнаго памяти. . . .

Ла фаридондень, ла фаридондонъ, . . . сказалъ Султанъ,

 за-

запѣвши полуголосомъ; но мы теряемъ нить нашего разговора. Данишемендъ, что было ты хотѣлъ сказать, какъ тебѣ мудрый Фанфарашинъ невзначай пришелъ на умъ?

Хотя совершенно воспрепятствовать не можно, что бы роскошь не причиняла никакого зла въ обширномъ государствѣ, однако исторія Эмира и дѣтей природы могла бы намъ подать *нѣкоторыя начальныя правила*, посредствомъ которыхъ прекрасная Лили могла бы предупредить по крайней мѣрѣ большую часть зла, предсказываемаго ей старыми пророками. Есть ли бы сія любви достойная госпожа со мною посовѣтовалась, то бы я осмѣлился ей дать сей отвѣтъ.

При рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, какія бы они ни были, кажется мнѣ естественный и простый способъ всегда лучше. Сіе правило имѣетъ особливое мѣсто, когда дѣло идетъ о *политическихъ предложеніяхъ*, гдѣ безсомнѣнно тонкія, запутанныя и пространныя рѣшенія никакъ

не

неупотребительны. Спрашивается: „ что должно дѣлать, чтобы крайняя тонкость художествъ, вкуса, „ страстей, нравовъ и образа жизни, „ однимъ словомъ, роскошь, сколько можно меньше вредила великому „государству?„ . . . Природа показываетъ намъ, сударыня, довольное средство для поправленія зла, которому она насъ подвергнула. Не иначе ли въ настоящемъ случаѣ должно быть? Я думаю, что нѣтъ. Есть ли мы можемъ спасти *многочисленнѣйшую и полезнѣйшую, слѣдственно и препажную часть государства* отъ сея заразы, то мы ужè весьма много сдѣлали: и въ самомъ дѣлѣ, все то сдѣлали, что можно требовать отъ мудраго правленія. По щастію нѣтъ ничего легче. Лучшая часть Шешіанскаго государства опредѣлена земледѣлію и деревенскому домостроительству. Самая природа, въ коея нѣдрахъ оно обитаетъ, безконечно облегчаетъ нашу работу; намъ почти нечего дѣлать, *есть ли ей нарочно не противиться*. Оставьте сихъ добрыхъ

рыхъ людей наслаждаться своимъ бытіемъ. Не допускайте до того, что бы подъ безчисленными видами другіе соединялись на разграбленіе и изпроверженіе ихъ; что бы ненасытный родъ откупщиковъ, и зборщиковъ царскихъ доходовъ, судей, управителей и стряпчихъ, дворянъ, Бонзъ и нищихъ, сосалъ ихъ столь нагло и немилосердо, до того, пока у нихъ останется одна только кожа на костяхъ. Сдѣлайте то, что бы до сего весьма нужнаго и безвиннѣйшаго рода людей доходила весьма знатная часть плодовъ ихъ трудовъ, что бы они съ веселою бодростію работали, и имѣли бы время на отдохновеніе, на торжествованіе своихъ полевыхъ праздниковъ и на вкушеніе веселостей. Есть ли весьма великое изобиліе также вредно для сего рода гражданъ, какъ для всѣхъ прочихъ, да не забудемъ, *что малая или нездоровая пища, недостатокъ всѣхъ выгодъ жизни, нагота, печаль и бѣдность суть для*

нихъ

нихъ несравненно опаснѣе. Положимъ мы всегда блаженство нашего сельскаго народа на нѣсколько степеней ниже блаженства дѣтей природы; но оставимъ имъ столько, что бы имъ безъ потерянія всего естественнаго чувства, *возможно было своимъ состояніемъ быть довольными.* Между нами сказано, прекрасная *Лили, мы имъ должны симъ,* а сія обязанность безконечно священнѣе заплаты долговъ нашихъ по игрѣ. Но когда бы и сего не было, то мы онымъ должны государству, и всей Шешіанской имперіи. Поелику нѣтъ никакого другаго средства (я вызываю всѣхъ художниковъ, Алхимистовъ, и дѣлателей проэктовъ, объявить мнѣ другое) утвердить на непоколебимомъ основаніи общ[illegible]е благосостояніе обширнаго государства, кромѣ сего. *Когда сельскій народъ имѣетъ причину быть довольнымъ,* то впрочемъ положитесь на волшебную силу природы. Она для неповрежденныхъ чувствъ имѣетъ такія прелести, коихъ сила нашимъ испорченнымъ не-

 по-

постижима. ЗемледѢлецЪ наслаждается пріятными чувствованіями, коими онЪ свои труды оживотворяетЪ и награждаетЪ; роскошь его не обольщаетЪ, онЪ ее и по имени не знаетЪ, и не умѢетЪ описать сЪ краснорѢчіемЪ нашихЪ стихотворцевЪ, которые ее, можетЪ быть, знаютЪ только силою своего воображенія. Когда онЪ вЪ ясный день идетЪ на свою работу, то какую бодрость первые лучи восходящаго солнца разливаютЪ по всѢмЪ его членамЪ! КакЪ услаждается онЪ запахомЪ воздуха, обремененнаго испареніемЪ растеній и полевыхЪ цвѢтовЪ! Какое утѢшеніе обѢщаетЪ ему прохладительная древесная сѢнь во время попаляющаго полуденнаго зноя! Ни одинЪ богачь не пьетЪ самыхЪ дорогихЪ винЪ сЪ такою пріятностію, сЪ какою жаждущій косецЪ, глотаетЪ кружку кислаго молока! СдѢлайте опытЪ прекрасная Лили; возмите ко двору сего молодаго, здороваго, упитаннаго, благообразнаго земледѢльца, сего *истиннаго сына*

при-

природы; покажите ему во всемъ великолѣпіи пышность, пиры, зрѣлища; но не скрывайте отъ него также и вѣчнаго принужденія, отвращенія, скуки, опасности сихъ ослѣпляющихъ маскарадовъ. Какое будетъ онъ чувствовать безпокойство во глубинѣ своего сердца до тѣхъ поръ, пока не возвратится въ свою хижину! Съ какою нетерпѣливостію полетитъ онъ отъ веселостей, которыя ему показались бы мучительнѣе всякія тягчайшія работы, къ своей жатвѣ, собиранію винограда и къ своимъ хороводамъ! Колико благополучнымъ сочтетъ онъ въ сравненіи съ нашимъ свое состояніе! Вы видите, прекрасная Лили, сколь бы малаго труда стоило составить *благополучіе двухъ третей жителей Шешіана Султану нашему Государю. Я не требую для нихъ ничего, кромѣ безопасности ихъ собственнаго и защищенія противу угнѣтенія; а прочее все природа взяла на себя.* Хорошо, скажите вы, чтожь мы получимъ пользы отъ всего сего въ

 пре-

предупрежденіи слѣдствій роскошества? Конечно, очень много. И того ужѐ, я думаю, довольно, ежели мы изъ шести милліоновъ душъ пять сохранимъ отъ заразы. Но это еще не все: выгоды сего способа разпространятся и на зараженную часть. Вельможи, богачи и роскошные жители великихъ городовъ станутъ временемъ выѣзжать въ деревни для уменьшенія омерзенія, прогнанія скуки, и для поправленія потеряннаго своего здоровья; нечувствительно найдутъ они вкусъ въ веселіи полевыя жизни; въ веселіи простомъ, это правда, но равнообразномъ съ человѣческою природою. Мало по малу очистятся они отъ множества *предразсужденій и затвердѣлыя кожи нечувствительности*, коею сердце ихъ нѣкоторымъ образомъ было покрыто; они узрятъ себя обогащенными новыми воображеніями и полезными изобрѣтеніями; возымѣютъ совершеннѣйшее чувствованіе, и очистятъ кровь; и сколько бы мала часть, получаемая великимъ числомъ изъ сея

поль-

пользы ни была, но по крайней мѣрѣ они возвратятся въ города гораздо здоровѣе, нежели изъ оныхъ выѣхали. Еще больше: природа плодовита. Сельскіе жители, какъ скоро по своему способу благополучны, умножаются де безконечности (*). Деревня дѣлается неизчерпаемымъ источникомъ, изъ котораго города (а при случаѣ можетъ быть и самыя благородныя фамиліи) почерпаютъ свѣжую и здоровую кровь, которая содержитъ государство въ младости и всегдашней силѣ. Прочія состоянія гражданъ дополнятся, такъ ска-

(*) Какъ крысы, говоритъ достопочтенный Маркизъ де Мирабо въ своемъ превосходномъ сочиненіи; называемомъ: *другъ людей*. Истинны, коихъ здѣсь Данишемендъ едва только коснулся, открыты тамъ съ свойственною ему силою доводовъ, и съ тѣмъ честнымъ доброжеланіемъ, которое дѣлаетъ его еще тогда больше любви достойнымъ, когда онъ вмѣсто философствованія, что съ нимъ не рѣдко случается, часто шутитъ.

сказать, изъ молодыхъ роевъ, происходящихъ изъ ульевъ, и опустошенія, чинимыя роскошью будутъ оставаться почти нечувствительными. Вотъ, сказалъ бы я, прекрасная Лили, мое первое средство. Другое. . . .

Я довольно люблю слушать бредни господина Данишеменда, сказалъ Шах-Жебалъ; но со всемъ тѣмъ, естьли бы онъ въ мое удовольствіе сколько возможно короче объяснилъ второй и слѣдующіе пункты сего дѣла.

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, что я еще имѣлъ сказать, надлежитъ прямо *до нравоучительныхъ ядоотравщиковъ*. Я ихъ нахожу два рода въ свѣтѣ. Къ первому причисляю *я развращенныхъ нравоучителей*, коихъ вся душа находится *совсѣмъ въ ихъ крови*, которые не признаютъ существеннаго преимущества человѣка надъ *животными*, и вѣрятъ, что они нашли верьховное благо, когда не должны были уступить преиму-

ще-

щества кротамъ и морскимъ поросятамъ. Во второмъ полагаю я сихъ *важныхъ двуестественниковъ*, *составленныхъ изъ умоизступленія и пустосвятства*, которые подъ видомъ свобожденія человѣческія природы отъ ея слабостей, уничтожаютъ ея законы, и въ одномъ мѣстѣ обезчещиваютъ ея сколько простый, столько и прекрасный видъ; въ другомъ разпространяютъ и надуваютъ, что бы сдѣлать изъ нее такого урода, которому не найдешъ и имени. *Первыхъ и послѣднихъ должно почитать яко возмутителей священныхъ законовъ природы, и яко раззорителей изящнѣйшаго изъ всѣхъ ея твореній*. Когда ихъ гибельныя старанія соединятся съ естественными слѣдствіями и со втеченіями роскоши, то какъ возможно провести сей народъ безвредно чрезъ толь опасныя стремнины? Который изъ упомянутыхъ двухъ родовъ ядоотравителей *предосиѣе*? Задача сія можетъ быть не недостойна рѣшенія Академіи Вашего Величества. Но есть ли справедливо, какъ думаютъ, будто примѣ-

тили, что *одинъ изъ сихъ двухъ родовъ* обыкновенно превращается *въ другій*, то можно бы заключить, что образъ разсужденія послѣдняго происходитъ *изъ высочайшаго степени поврежденія природы.* Какъ бы то ни было, вопрошается, какимъ бы образомъ можно отнять ядъ у сихъ вредоносныхъ тварей? Я думаю, что они научились бы философствовать точнѣе въ смирительномъ работномъ домѣ, при умѣренной пищѣ и при прядильномъ колесѣ. Но что касается до втораго рода, положимъ, что они дошли до того, какъ Дервишъ Кубанъ, что почитаютъ бредни за истинны, или что они уподобляются нѣкоторымъ Докторамъ, дѣлающимъ людей больными единственно для того, что бы ихъ лѣченіе зачесть себѣ въ заслугу; я не могу дать другаго совѣта прекрасной Лили, какъ поступать съ ними слѣдуя ихъ собственнымъ правиламъ. Мы разлучились съ свѣтомъ, говорятъ они. Изрядно, возмитесь за ихъ

слово: дайте каждому ордену Дервишей и Бонзъ столько земли, сколько имъ потребно для содержанія себя; обнесите жилище ихъ высокою каменною стѣною; и для пресѣченія міру всякаго случая мѣшать имъ въ благородномъ трудѣ сдѣлаться безплотными (*), заградите всѣ отверстія, что бы всякъ вошедши туда единожды, не могъ никогда выти. Такимъ образомъ предупредится всякое зло, и каждый можетъ быть доволенъ.

Знаешь ли ты, Данишемендъ, сказалъ Султанъ, что мнѣ весьма хочется твое предложеніе, *по-менъ-*

(*) Извѣстно изъ описаній путешествій миссіонерскихъ извѣстій, что установленіе Дервишей, Бонзъ и Талопинцовъ основано на ложныхъ и умоизступительныхъ нравоученіяхъ, коихъ дурачество подробно описывается въ извѣстіяхъ нашихъ Миссіонеровъ. Строжайшіе между Бонзами не думаютъ ни о чемъ меньше въ своихъ упражненіяхъ благочестія, какъ *сдѣлаться пагодами*, то есть, быть причтенными въ число боговъ послѣ своея смерти.

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

меньшей мѣрѣ касательное до Бонзъ произвести въ дѣйство? Это точно такъ: никто не можетъ ни мало сему противорѣчить. Я самъ и мои подданные выиграютъ при семъ нѣсколько милліоновъ таелей, которыя можно употребить на лучшее; а Бонзы будутъ имѣть всегда нужное время *сдѣлаться пагодами*, какъ и когда имъ угодно.

Къ щастію Бонзъ, или больше самого Султана, таковыя мысли не имѣли никакихъ слѣдствій. Онъ бы уповательно нашелъ въ произведеніи оныхъ въ дѣйство нѣкоторыя затрудненія.

КОНЕЦЪ ПЕРВЫЯ ЧАСТИ.

